

8408-5 К
А 42

Николай АКСЕНОВ

Исповедь пера

190876-2

12

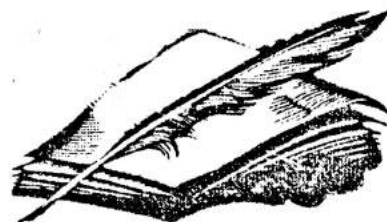
Э.к.

84Р6-5

A42 K

Николай Аксенов

Исповедь пера

Центральная городская
 библиотека
 им. В. В. Маяковского
 Куртамыш
 2008

Куртамыш
 2008

Отдел краеведческой
 информации
 ул. Пролетарская, 41, тел.: 45-42-53

Они
84Р6-5

Николай Аксенов

ИСПОВЕДЬ ПЕРА

сборник стихов разных лет

Куртамыш, ГУП "Куртамышская типография",
2008, - 288 с.

Приношу сердечную благодарность и признательность Администрации Курганской области, Администрации Кетовского района, Генеральному директору ЗАО «Картофель» Александру Даниловичу Немирову, Генеральному директору мясокомбината «Белый Яр» Виктору Осиповичу Астафьеву, другим добрым людям, оказавшим мне помощь в подготовке и издании этой книги.

ISBN 978-5-98271-110-6

- © Аксенов Н.А.
- © Комитет по печати СММ Курганской области

ВЫСОКИХ ПОМЫСЛОВ ПОЭТ

Уважаемый читатель! В твоих руках сборник стихов Николая Алексеевича Аксенова – крестьянского сына из села Миутино Кетовского района, члена Союза писателей России. Он известен зауральцам по поэтическим книгам «Гармония души», «Колокола времен» и сборнику рассказов «Доброта», выпущенных издательством «Парус – М». Россияне знают его по ярким публикациям в журналах «Сельская молодежь», «Урал», «Северяне», альманахах «Тобол», «Чаша круговая» и коллективных сборниках. Николай Алексеевич участник и победитель ряда региональных литературных конкурсов, дважды Лауреат премии Губернатора области.

Аксенов – человек даровитый, совестливый и добрый сердцем. Его творчество уходит корнями в глубины народного бытия, оно полно раздумьями, тревогами, чаяниями и надеждами простых людей. Поэт, находясь в гуще жизни, чутко реагирует на все ее нелепости, обращается к животрепещущим проблемам наших дней, пишет о самом дорогом и сокровенном с обнаженной искренностью и прямоотой, мудро, проникновенно и зримо.

Удивляет и радует Аксенов и тонкостью психологического проникновения в сущность событий и фактов, умением философски глубоко осмыслить их, поделиться с читателем

лем тем, что за ними открылось уму и сердцу поэта. Он же и трепетный лирик, влюбленный в родной край, его людей и природу. Его стихи лучатся добрым сердечным светом. В них все зримо, все живет, что еще сильнее обостряет чувство ответственности каждого из нас за родную природу, за целостность ее богатств и волшебных чудес.

Выход в свет первого сборника стихов Николая Аксенова был встречен с огромным интересом и вызвал живой отклик многих читателей. Курганец Виталий Сулима пишет: «Каждое стихотворение поэта-гражданина Аксенова – это неоконченная повесть, заставляющая думать о судьбе страны, нации, переосмысливать заново свою жизнь, задумываться о завтрашнем дне Отечества. Такую книгу мог написать только человек, талантливый художник слова с горячим сердцем патриота, самородок, вышедший из глубин народа».

«Прочитала сборник Николая Аксенова «Гармония души», - пишет библиотекарь села Озерное Звериноголовского района Зинаида Королькова. – Решила, что старшекласники нашей школы должны обязательно знать его стихи. Поэт удивительно точно, емко и честно, с сердечным трепетом пишет горькую правду наших дней. Ему дороги ветераны войны, земляки-труженики, село Митино, где он родился и мужал, стал достойным Гражданином Отечества и, как я считаю, настоящим Певцом родного Зауралья».

С чувством сердечности, восхищения и гордости за товарища по литературному цеху пишет о творчестве Аксенова член Союза писателей России Ирина Ивановна Анисимова из города Петухово: «У Николая Алексеевича как в прозе, так и в стихах – пронзительная правда жизни. О чем бы он ни писал, ему безоговорочно веришь».

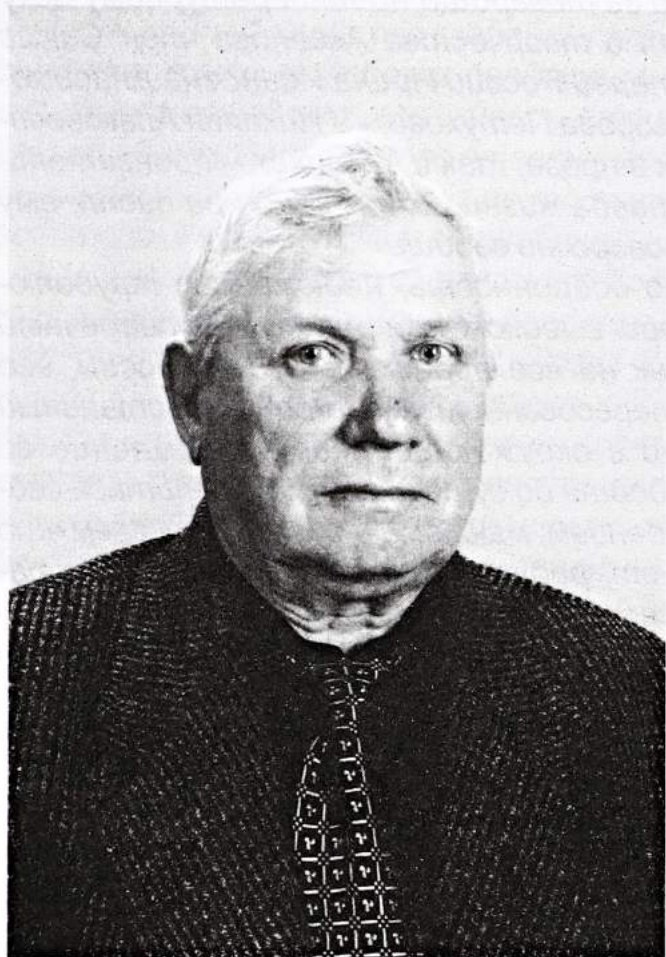
Его одаренность, недюжинное трудолюбие при высоком патриотизме, сердечный отклик на всё происходящее в России, его заинтересованный неугомонно-пристальный взгляд в окружающий мир, стремление во всем дойти до сути и щедро поделиться своим видением, мыслями и чувствами, всем что волнует, радует и печалит – все это ставит сегодня его книги в ряд лучшей зауральской литературы. В творчестве у Аксенова главный ориентир – высокая человечность.

Широта тематики стихов Николая Аксенова удивительна. Создается впечатление, что нет сферы жизни, которая бы не потревожила его ум, не прошла через сердце».

Уважаемый читатель, в твоих руках новый сборник стихов Николая Аксенова, переверни страницу и погрузись в безбрежный мир раздумий, мыслей и чувств поэта. Уверен, ты в нем встретишь многое, что так беспокоит, волнует, тревожит и радует твой разум и сердце.

В добрый путь!

Геннадий Устюжанин

Григорьев

Мои стихи душевны и чисты,
Я для тебя собрал их в этом томе
С надеждою, что добрым другом ты
Их приотышишь в своем сердечном доме.

МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Меня ведёт счастливая стезя
К желанному и сердцу дорогому:
Я говорю о том, о чём нельзя
Сказать без божьей помощи другому.

Мои стихи душевны и чисты,
Я для тебя собрал их в этом томе
С надеждою, что добрым другом ты
Их приютишь в своём сердечном доме.

Мои стихи – свидетели утрат.
Они вольны, им не нужны границы.
Пусть посетят они твой светлый сад,
Как золотые вещи жар-птицы.

Мои стихи – свидетели тех лет,
Когда ломались судьбы поколений.
Пусть принесут они прозренья свет
В часы твоих раздумий и сомнений.

Толпа чужих удач не ценит в грош,
Она всегда по мелочам несчастна.
Но верю я, что ты меня поймёшь,
И прозвучит мой голос не напрасно.

ПЕСНЯ

Светлый огонь поднебесья
Таёт в широком окне.
Светлая, добрая песня
Снова родится во мне.

Тихо: ни стоны, ни звука,
Перышко скрипнет едва –
Льётся сердечная мука
Струйка за струйкой в слова.

Чувствую, вижу и слышу
Каждое слово моё.
Кто-то, наверное, свыше
Мне напевает её.

Где этой песни истоки?
Может в вечерней тиши?
Снова рождаются строки
В тайных глубинах души.

* * *

Звезды небо высветили броско:
Их, как гроздья винограда, рви.
Осени меня крестом, берёзка,
И на добрый путь благослови.

Дни летят, как взмыленные кони,
Седоков теряя на бегу,
Может и меня они уронят,
Я остановить их не могу.

Пусть придет ко мне моя удача –
Надоело ехать на кривой,
Чтоб на белом свете жить не плача,
А с веселой ясной головой.

В этом мире мелочно–продажном,
Где ценить не стали труд и пот,
Мне б успеть сказать о самом важном,
Что умы людские всколыхнет.

Опалит ночную темь зарница,
Искрами на землю пороша.
И небесным светом озарится
Чья-то затемненная душа.

Жить у строчек собственных в неволе,
Такова теперь судьба моя.
Слышу дальний топот в чистом поле
И берёзку обнимаю я.

МНЕ ГОВОРЯТ

Мне говорят: - «Зачем же пишешь ты
О наших днях, тяжелых, безотрадных?
Пиши, поэт, о девушках нарядных,
Прославь любовь, объятия и цветы.
А жизнь, пусть тяжела, но быстротечна,
В ней зла стихами не перешибить.
Зато любовь величественна, вечна.
Так будем петь, смеяться и любить!»
Согласен я: любовь воздвигла царства.
Но радостно любить, когда ты сыт,
Когда дитю больному есть лекарства,
Когда молчат туберкулёз и СПИД.
Нельзя писать певуче и спокойно,
Когда почти бесправен твой народ,
Когда в родной стране бушуют войны,
И каждый день - как шаг на эшафот.
Что до стихов моих - полны они
Моей любовью к ясному закату,
К земле, к друзьям, к безногому солдату,
Который к нам вернулся из Чечни.
Уйти от резких, но правдивых слов
Мне совесть в наши дни не позволяет.
Меня писать о жизни заставляет
Не что иное - именно любовь.

НЕ НАВРЕДИ

– «Не навреди! – себе твержу я.
– Сумей в душе добро сберечь».
Не зря в своих руках держу я
Надежный щит и острый меч.

Твержу себе я эту фразу
На трудной ниве бытия.
Надежный щит мой – светлый разум,
А меч – поэзия моя.

– «Не навреди другим рукою,
Порой безжалостна рука,
Не навреди другим строкою,
Сильнее плетки бьёт строка.

Не навреди блудливым оком,
О себялюбии забудь.
И в нашем времени жестоком
К другим жестоким ты не будь».

Так в этой жизни окаянной
С горячей верою в груди
Твержу себе я постоянно:
– «Не навреди! Не навреди!»

Ткёт узор над красной колокольной
Голубей игривая семья.
Я с годами в мыслях стал спокойней,
Но в сужденьях так же резок я.

Мне, как птицам, в небо не подняться,
Не взлететь на трепетном крыле.
Я прирос с киркою рудознатца
Вечной пуповиною к земле.

Здесь ищу я чистые истоки
Средь камней, корней и серых мхов,
Здесь ищу я искренние строки
Для своих рассказов и стихов.

Я – не голубь сизый, я – не птица,
Я – в земле копающийся крот.
Лишь душа моя всегда стремится
С той земли отправиться в полёт.

И воздушно вместе с голубями
Без земной привычной суеты
Побывать над храмом, а не в храме,
Посмотреть на землю с высоты.

ЮНОМУ ПОЭТУ

Поэзия прекрасна и сурова.
Я перед ней ничуть не погрешу,
Когда, мой юный друг, сегодня снова
О горе человеческом пишу.

Полна им жизнь, как траурная чаша,
Но горе в ней – не горькое вино.
Чужого горя нет – есть горе наше:
Нам горевать друг с другом суждено.

И ты, поэт, будь совести послушен,
Ни радости, ни боли не скрывай,
Не будь к чужому горю равнодушен
И, как свое, его переживай.

Не уверяй, что в жизни много значишь,
И что во всем твоя строка тверда.
Коль от чужого горя ты не плачешь,
Поэтом ты не станешь никогда!

*Легкий дым висит над речкой синей,
Пахнет медом колкая хвоя.
На земле зовут тебя Россией,
Родина любимая моя.*

**ОТ СЕРДЦА
ИДУЩИЕ СТРОКИ**

РЕЧКА ЖИЗНИ МОЕЙ

По-прежнему неторопливо
Сквозь темный кудрявый ивняк
Течёт меж высоких обрывов
Красивая речка Утяк.

Спокойная, вечно живая
От силы дождей и снегов,
Струится вода ключевая
У желтых крутых берегов.

Своей проторенной дорогой
Стремится в чужие края,
Сливается с чистой Отнойгой
Заветная речка моя.

Берёзы над нею, как свечки,
И речке от свечек светло.
И окнами смотрит на речку
Моё небольшое село.

Я прожил здесь лучшие годы
И с речкой все время дружил.
И славные дни, и невзгоды
Я вместе с селом пережил.

От речки, от чистого света
Теперь не уеду никак.
Бежит через теплое лето
Волшебница – речка Утяк.

ЗЕМЛЯ МОЯ

Солнце льет тепло из чаши синей,
Пахнет мёдом колкая хвоя.
На земле зовут тебя Россией,
Родина любимая моя.

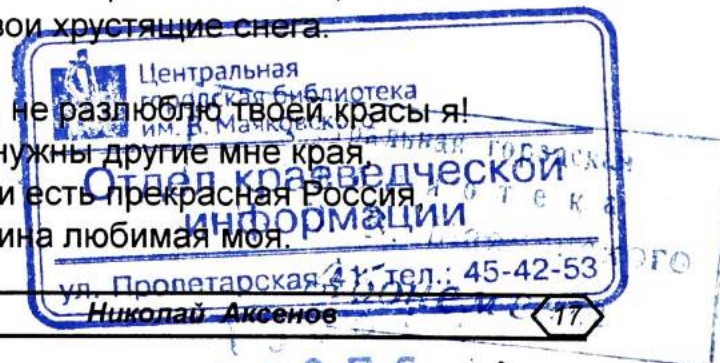
Твои краски ровны и неброски,
В твоих рощах дышится легко.
И утрами нежные березки
Пьют из рек парное молоко.

Время нас всё больше космополит,
Но его стараньям вопреки
Я люблю в широком желтом поле
Слушать то, что шепчут колоски.

Я беру стихи в лесной тетради
И люблюсь летним вечерком,
Как плывет луна по водной глади
Безвесельным легким челноком.

Мне милы твои седые ели
И твои цветущие луга,
И твои свирепые метели,
И твои хрустящие снега.

Нет, не разлюблю твоей красоты!
Не нужны другие мне края,
Если есть прекрасная Россия,
Родина любимая моя.

РАСКАЛИЛАСЬ ДУША

«Горе народу! Ему изменили те, кому он отдал душу, ему изменили избранники, у которых честные лица, неподкупно строгие речи и карманы, полные чужого золота».

Леонид Андреев

Раскалилась душа докрасна:
Так и сыплются беды земные.
Мы друг другу теперь не родные
И у нас не родная страна.

Убеждает нас космополит,
Что умней зарубежные сказки,
Убеждает по чьей-то указке.
А душа, раскаляясь, болит.

Вы не верьте – он попросту врет,
Он за доллары врать наготове.
Мы же вечные братья по крови
И по духу единый народ.

Нас хотят подвести под черту,
Соблазняя шуршанием денег,
Чтоб как плотный березовый веник,
Без труда разделить по пруту,

Разделить по пруту и сломать,
И держать, как рабсилу, в неволе.
Дескать, Русь – лишь огромное поле,
А не добрая, щедрая мать.

Раскаляясь, клокочет душа,
Как в конверторе силы стальные.
Мать моя, дорогая Россия,
Ты для сына во всем хороша.

Я навеки влюблен в те края,
Где увидел я солнце впервые,
Где живут люди, сердцу родные,
Где живут дорогие друзья.

Я на них, как на столп, обопрюсь:
Это русская гордость и слава,
Это люди крепчайшего сплава,
На которых и держится Русь.

РОДНЫЕ МЕСТА

У поля, по самому краю,
Колышется в мареве лес.
И ласково солнце играет
В прозрачной лазури небес.

Совсем обессилен от зноя,
За лесом уснул ветерок.
А я под огромной сосною
Сажу у развилки дорог.

Какое открылось приволье,
Как даль глубока и чиста!
Я с тихою нежною болью
Смотрю на родные места.

У речки оправа резная.
Проулки в узорах плетней.
Я всю свою жизнь вспоминаю
И всех, с кем встречался я в ней.

Дружил и скитался по свету,
На пастбищах пил молоко.
Иных в этом мире уж нету,
Другие живут далеко.

Ах, где ж вы, друзья и подружки,
Зачем из родного села
Всех нас, будто пух из подушки,
По свету судьба разнесла?

Пусть там, за неведомой далью,
Где все вы живете спеша,
Щемящей и доброй печалью
Наполнится ваша душа.

Вы вспомните эти березы,
Домишки у сонной реки.
И памяти чистые слезы
Смахните вы с вашей щеки.

Поплачьте, как малые дети,
И боль испытайте сполна.
Как мама одна лишь на свете,
Так родина только одна.

* * *

Кинул я с обрыва камень в воду:
Вздригнула лесная тишина,
Разбежалась быстро и свободно
По стеклу озерному волна.

Мы на белом свете – это камни,
Жизнь – вода литого серебра.
И от нас расходятся кругами
Волны или зла, или добра.

Я усталый приткнусь у дороги,
Втихомолку судьбу не кляня,
Неприкаянный странник убогий,
На исходе осеннего дня.

Как пушинку, с мечтой голубою
Унесло меня в дальнюю даль,
Но повсюду носил я с собою
Тяжким грузом разлуки печаль.

Где ходил я и что я изведаль,
Дела нет никому до того.
Никого я, как спутник, не предал,
Не обидел в пути никого.

Я у светлого леса прилягу
Головой на котомку свою.
Неужели не помнят бродягу
И поэта в родимом краю?

Может быть, моя песенка спета,
И, вернувшись худой и босой,
Никогда не услышу приветя
Я от девушки с русой косой?

Я забудусь на этом вопросе,
Спрячу в сердце упрямый вопрос.
И меня убаюкает осень
Тихим лепетом желтых берез.

СТРАНА ГРЁЗ

Далеко, за снежными лесами,
В тех краях, где вечная весна,
С детства нас манила чудесами
Тайных грёз волшебная страна.

Там с деревьев падали бананы,
Там заря ложилась на моря,
Там детей качали обезьяны,
Обезьяньи сказки говоря.

Там от пирсов легкие фрегаты
Уплывали в море каждый час,
Там в кофейнях гордые пираты
Пили ром и ждали в гости нас.

Мы хотели – как же мы хотели
Побывать в той сказочной дали!
Но сквозь годы, грозы и метели
Мы туда добраться не смогли.

Повзрослев, узнав края другие,
Понял я и поняли друзья:
Всё равно бы всех нас ностальгия
Возвратила в русские края.

Увела б от райских наслаждений
Через штормы, через сотни бед,
Потому что Родины священной
Ничего на белом свете нет.

РОССИЯ

Я много думал о тебе,
И на глазах блестели слезы,
Когда в крещенские морозы
Холодный ветер выл в трубе.

Я много думал о тебе
И думал с искренней любовью,
Чтоб разобраться по-сыновьи
В твоей нерадостной судьбе.

Я много думал о тебе
И слез невольных не стыдился,
И, размышляя, убедился,
Что вечный твой удел – в борьбе!

РОДИНА

Не стой ко мне ты задом или боком,
Моя деревня – родина моя,
Присядь со мной на берегу высоком,
Чтоб в тишине послушать соловья.

Ты посмотри, как вспыхнула калина,
Как бродит ветер в травах за рекой,
Склонись ко мне и обними, как сына,
Своей крестьянской ласковой рукой.

В прелестный миг вечернего покоя
Защелкает певучий соловей.
А я прижмусь к твоей груди щекою,
Как в детстве к доброй матери моей.

Сними с моей души тяжелый камень,
Прохладой ветра исцели меня.
Пусть время остановится над нами,
Прекрасное мгновение храня.

ЗВЕЗДА

Высокая звезда родной земли
Светила мне всегда, не угасая.
Несли составы, плыли корабли
И в даль манили, дрожь огней бросая.

Я уезжал в другие города,
Где было мне свободно и приятно,
Но эта негасимая звезда
Во тьме ночей звала меня обратно.

Она звала меня из разных мест,
Где я к чужому счастью приобщался.
И в свой привычный сельский благовест
Издалека я снова возвращался.

Несли меня морские корабли
И поезда в своем стремлении скором
В край, где звезда моей родной земли
Горит над нашим сельским косогором.

ПРОСТИ

Прости меня, земля моя родная,
За долгий путь к твоим густым лесам.
Своих дорог ничуть не проклиная,
К тебе по ним я добирался сам.

Как сквозь огонь, я шел к тебе сквозь годы,
Летел и плыл, и ехал на коне.
И золотая искорка свободы
С твоих высот всегда светила мне.

И вот я здесь, где ярок свет весенний,
Где тает грусть в родительской избе.
Я тихо опускаюсь на колени
И по-сыновьи кланяюсь тебе.

Мне кажется, что на земле привольной
Остановилась времени река.
А над церковной красной колокольней
Плывут, плывут, как в детстве, облака.

ГАРМОНИЯ

Не отвергай протянутой руки,
Когда стоишь над кручею отвесной.
Не отвергай ты помощи небесной,
Когда сверкают грозные штыки.

Не отвергай душевного добра,
Когда вокруг витают злые речи.
Не отвергай товарищеской встречи,
Когда так одиноки вечера.

Не отвергай безропотной любви,
Когда манят пылающие взгляды.
Не отвергай заслуженной награды
И дружбы давней никогда не рви.

Отвергни зло, что есть в тебе самом,
И помни: рядом зло и преступленье,
Отвергни это всё без сожаленья,
Чтоб жить всегда в согласии с умом.

Отвергни зависть черную свою
И ненависть с ее змеиным жалом.
И не стремись размахивать кинжалом,
Чтоб стать бойцом в неправедном бою.

Беспамятство отвергни до конца
И не бери бесчестных на поруки,
И никогда свои не пачкай руки
Рукопожатьем грязным подлеца.

Отвергни тот гостеприимный дом,
Где царствует в беседах святотатство.
Отвергни ты желанное богатство,
Нажитое не собственным трудом.

В себе дурные мысли заглуши,
Встречай рассветы радостной улыбкой.
И запоет тогда волшебной скрипкой
В тебе твоя ГАРМОНИЯ ДУШИ.

ПРОСЬБА

Жизнь, подводя к суровому итогу,
И не деля чужое и свое.
Я стал все чаще обращаться к Богу
В своих раздумьях про житьё-бытьё.

Я с детства отвергаю святотатство,
Но чтоб не порвалась меж нами нить,
Я не прошу ни славы, ни богатства,
И не прошу мне жизнь переменить.

Нет, я желаю, кажется, немного,
С лесной поляны, глядя в синеву,
Я мудрости прошу теперь у Бога,
Чтобы понять – зачем же я живу?

МОЁ СЕЛО

Иду я поскотиной чистой,
Где вновь от ромашек бело.
А ниже, у речки искристой,
Шумит тополями село.

Июньское солнце сгорело,
Оставив малиновый цвет.
Ах, как ты, село, постарело
В течение нескольких лет.

За эти нелегкие годы
Домов поредели ряды,
И нет у реки огородов,
И в горе зачахли сады.

Довольно грустить и довольно
Судьёю стоять над судьбой.
Но горькие мысли невольно
Являются сами собой.

Врываются в память упрямо
Из крепких душевных цепей...
Где были дома - только ямы,
Крапива да буйный репей.

Здесь жили, гуляли, любили,
С войны возвращались сюда.
Ушли, улетели, уплыли –
И нет никакого следа.

Исчезла и наша избушка.
Над ямами тишь и покой.
Печально кукует кукушка
В далеком лесу за рекой.

СНЫ

В прекрасных снах я вижу дни былые
В зеленых рощах, в дождевой пыли.
Зачем же их, как чародеи злые,
В глухую небыль годы унесли?
В них детский смех, в них отрочества грезы,
В них волшебство открытых первых книг,
В них жар любви, и радости, и слезы,
В них наша жизнь, прошедшая, как миг.
Мне снятся степи, горные увалы,
Селения далеких палестин,
Как будто золотое покрывало
Снимают ночи с радужных картин.
Теперь пройти, как прежде, невозможно
По тем степям, по тем крутым горам...
И оттого так трепетно тревожно
Мне иногда бывает по утрам.

ДО ПОБЕДЫ

Не заладилась наша судьба,
Стали серыми дни золотые.
Непосильною стала борьба
За тебя, дорогая Россия.

Нас, поэтов, не слышит никто:
Обыватель ведет разговоры
О деньгах, о квартирах, авто
И про то, чем же заняты воры.

Только я до сих пор не сдаюсь,
В обывательском взбалмошном гаме
Лучезарная добрая Русь,
Окруженная нынче врагами.

И несется мой яростный крик
Про твои, моя Родина, беды,
Я в бою отступить не привык,
Я все время борюсь до победы.

*Земля отцов, земля родная,
Стараюсь я тебе помочь
И бережливыми руками,
И чистой душевных слов,
В которых боль моя и память,
И безграничная любовь.*

О БЛИЗКОМ И РОДНОМ

ПЕРЕД СНОМ

Замолкнут последние звуки,
И свет упадет из окна,
И ласково нежные руки
Протянет ко мне тишина.
Мигнет мне звезда, как лампадка,
А вечер вздохнет наяву.
Как в сказку волшебную, сладко
Я в детство своё уплыву.
Со мной так бывает нередко,
Что время вдруг двинется вспять.
Я встречу там бабоньку с дедкой
И маму там встречу опять.
Горячая память закружит
Листочки исчезнувших лет:
Я встречу друзей и подружек,
Которых давно уже нет.
За несколько светлых мгновений
В моем полусонном уме
Пройдут их неясные тени
И снова исчезнут во тьме.
Сквозь дрему мою на диване,
Как отблеск рождественских свеч,
Мелькнут огоньки расставаний
И светлые искорки встреч.
Мелькнут и уйдут молчаливо.
Усни, дорогой человек!
Но горло сожмется тоскливо
И капнет слеза из-под век.

ЦВЕТЫ

Над вечной мерзостью земною,
Через подзвездные края
Лечу я в мыслях за тобою,
Седая молодость моя.
Лечу сквозь мглистые туманы,
Через болота и кусты
На те заветные поляны,
Где всё горят твои цветы.
Цветы свежи, они прекрасны.
А я другим с годами стал,
Но убеждаюсь, что напрасно
Я их погибшими считал.
Жизнь – это штука непростая,
Непредсказуема всегда.
Я те цветы сажал, мечтая
Вернуться в старости сюда.
И вот я здесь, где был когда-то
Красивым, сильным, молодым,
На свежей травке непомятой
Стою садовником седым.
Что ж, времена другими стали,
Но зелен молодости сад.
Цветы такими же остались,
Как много – много лет назад.
Остались прежними, родными
В давно покинутом раю.
Я восхищенно перед ними
Склоняю голову свою.

СКАЗКИ

Я помню: вечер над селом,
Метель куда-то в санках едет.
А в нашем доме за столом
Уже сидят кружком соседи.

Огонь в печи жует смолу,
И кошка спит в трофейной каске.
Мой дед, присевши на полу,
Опять рассказывает сказки.

Коптит тесемка в ночнике.
А речи льются все напевней
И об Иване-дурачке,
И об украденной царевне.

Рисует медленный рассказ
Картины давнего, бывшего.
И очаровывает нас
Простое дедовское слово.

И даже бабушка не спит.
Не спят ни взрослые, ни дети.
А за окном сибирский ветер
Тихонько ставнями скрипит.

О ПЕСНЯХ

Бородатый сказочный кудесник,
В жизни мало видевший добра,
Выпив, дед мой пел на лавке песни
С вечера до раннего утра.

Сядет он, ладонь приложит к уху,
Грудь упрячет в бороду свою,
Скажет: «Спи, любезная старуха,
Ну, а я немножко попою».

И поёт про ранешние были,
Про любовь (да мало ли всего).
Каждый раз соседи приходили
Слушать песни деда моего.

Умер он, худой и суетливый,
И лежит давным-давно в земле:
Деда нет, а песни деда живы,
Их поют все так же на селе.

Пусть мала была природы мерка,
Людам отпустив недолгий век,
Песня, как материя, бессмертна,
И бессмертен в песне человек.

ЧУДЕСА

Далекая и милая
Тех детских лет пора,
Умчалась ты, как ласточка,
Под осень со двора.

Я помню печку русскую
И на челе зарю.
Я снова с доброй бабушкой
По-детски говорю.

Смотрю, а печка топится -
Глаза огнем полны.
И подает мне бабушка
Горячие блины.

Метель поет за стенами,
В трубе взывает зло,
А мне у печки весело,
Уютно и тепло.

Холодный ветер северный
Деревья гнет в лесах.
Мой дед приходит с улицы -
Сосульки на усах.

Ворчит он на метелицу: -
Мол, это же беда!
На печку забирается,
Зовет меня туда.

Мой дед был очень грамотным,
Начитанным он был,
И сказки нам рассказывать
До смерти он любил.

Ложусь я деду на руку -
Что мне теперь блины -
И тихо-тихо слушаю
Преданья старины.

Как славный Харька Харькович
Искал свою жену,
Как уходили воины
На смертную войну.

Как мать ждала три годика
Любимого сынка,
И как Руслан за Карлою
Летел под облака.

Словами деда чудными
Был околдован я
И улетал за сказкою
В нездешние края,

С Кощеем бился доблестно:
Он сразу падал ниц.
Освобождал я пленников
Из рабства и темниц.

Я плакал, если плакали,
Я злился, видя зло...
Те годы невозвратные
Далеко унесло.

Ни деда нет, ни бабушки,
Их принял мир иной,
Но их живые образы
Всегда идут со мной.

И я им низко кланяюсь
В поля и в небеса
За хлеб, за сказки русские,
За веру в чудеса.

НАДЕЖДА

Я не плачу, не плачу, не плачу,
Свое сердце надеждой креплю:
Может, Бог ниспошлет мне удачу,
Как спасение в шторм кораблю.
В черном небе раздвинутся тучи
На восходе счастливого дня,
И живительный солнечный лучик
Теплым светом согреет меня.
Станет гладким житейское море
И на прочном причале земном
В светлых красках вчерашнее горе
Мне покажется тягостным сном.

НАШИ МАМЫ

*Светлой памяти наших матерей:
Ефросиньи Архиповны
и Анны Ивановны.*

Не знамениты наши мамы,
Но достославны их дела.
Через трагедии и драмы
Их жизнь сурово провела.

Всё было: радости и муки,
Жгло солнце, страх несла гроза,
Болели темной ночью руки
И горько плакали глаза.

Обновы редко примеряли,
А роскошь видели во сне,
Мужей безвременно теряли
На адской огненной войне.

По-русски с нищим и калекой
Делились хлебом в трудный час.
И на последние копейки
Обуть – одеть старались нас.

Родных и близких хоронили,
От слез теряли красоту,
Но в чистых душах сохранили
До самой смерти доброту.

МОЁ ДЕТСТВО

*Светлой памяти моего отца Алексея
Ивановича*

*«... А потом, когда идти мне в школу,
В первый год ученья моего,
Бабушка мешок тот распоролла,
Мать штаны мне сшила из него.»*

Иван Яган. «Штаны».

Я не держал в своих руках винтовки,
Когда во мне к врагам кипела злость,
Но похлебать во дни войны «мурцовки»
И мне по полной мерке довелось.

Я помню то безжалостное время,
Когда в огне горела вся страна,
Когда, как смерть с косою, надо всеми
С мечом висела страшная война.

Тревожит память, словно кинолента,
И воскрешает горестные дни:
Хоть не носил штанов я из брезента,
Но были сплошь залатаны они.

Я помню вкус мороженой картошки,
Я доставал «мучанку» из реки,
Ел из отсевок горькие лепешки
И собирал на поле колоски.

Меня хлестали молниями грозы,
Меня валил на землю ветра бег,
Я по ночам под веялками ползал
И выгребал с пшеничинками снег,

Бежал домой, боясь сторожей плетки,
Вытапливал из снега то зерно.
Мы жарили его на сковородке –
Каким же вкусным помнится оно!

Писал я буквы на клочках газеты,
Крестьянский сын, потом солдатский сын,
Сидел с лучиной и сидел без света,
Когда кончался в доме керосин.

Таскал с друзьями сено на «возилках»,
Стыдась при людях дырок на штанах,
Болел до ломоты в костях и жилках
И звал отца в своих ребячьих снах.

Мужское дело делал я упрямо,
Взрослея и мужая день за днем,
Жалел всегда измученную маму,
В семье помочь старался ей во всем.

За далями – за чудью и за мерью,
Которым нет начала и конца,
Деревня Погорелки есть под Тверью,
И там могила моего отца.

Над ним сияет небо голубое,
Над ним белеют чистые снега.
Он смертью храбрых пал на поле боя,
Остановив смертельного врага.

И мамы нет на этом белом свете,
Где то же солнце, тот же ропот гроз,
Лишь горестно качает летний ветер
Вершинки мной посаженных берез.

Я до сих пор богатства не имею,
Но у меня того не отберут,
Что я ценить и уважать умею
Солдатский подвиг и крестьянский труд.

* * *

Создатель, все сотворено тобою.
Я, человек, всему вокруг дивлюсь.
Я не горжусь ничуть своей судьбою
И прожитую жизнью не хвалюсь.

Своих деяний я не приукрашу,
Не очерню того, что мне дано.
Я пью тобой наполненную чашу,
Хоть в чаше той не мед и не вино.

* * *

Навей мне сон, осенняя прохлада,
И уведи меня в счастливом сне
В тот светлый мир, что для души отрада,
Где так легко всегда бывало мне.

О нем я вспоминаю, как о чуде:
Я радовался жизни, полный сил,
И жили там со мной родные люди,
Которых я так искренне любил.

Они меня вводили в мир огромный.
Я беден был и голоден, и бос.
Но я сейчас, мне кажется, не помню
Своих болезней, горестей и слез.

А помню то, как звонко пели птицы,
Как днем на всем вокруг лежал покой,
И как сияли вечером зарницы
Над темными лесами за рекой.

Я помню песни, дедушкины сказки,
Полет железных саночек с горы.
Тех давних лет невиданные краски
Не отцвели во мне до сей поры.

Навей мне сон, осенняя прохлада,
Пусть сердце успокоится в груди,
И в добрый час под шорох листопада
Меня, как мама в детство уведи.

БЕРЕЗЫ

Сестре Вале

Как быстро выросли березы
За нашей речкою, в лесу!
Иду туда один, и слезы
В глазах прищуренных несусь.

В лесу мы многое творили:
Ловили пескарей в реке,
Потом из них уху варили
В солдатском узком котелке,

Клубнику дружно собирали,
Ночами спали, как в раю,
И каждый день в войну играли,
Чтобы помочь отцам в бою.

Березки маленькими были,
Зато не трогал их топор.
Они с годами нас забыли,
А мы их помним до сих пор.

Душа заходится в истоме,
Я признаюсь тебе, сестра:
Ты вспомни старый дедкин домик
На склоне сельского бугра.

Вилась от дома вниз дорожка,
Вела за речку, через лес.
Я так любил смотреть в окошко
На дали, полные чудес.

Возился дед с тележной осью,
Чинил её на сквознячке,
А наша бабушка Федосья
Шла тихо с ведрами к реке.

Дымили терпким дымом бани.
И над землей издалика
В безбрежном синем океане
Спокойно плыли облака.

СЫНУ

Несу свой крест по сумрачным лесам,
Несу его сквозь чаши и завалы,
Несу через крутые перевалы,
Зачем его несусь? – Не знаю сам.
И ты предназначенью не перечь,
Неси всю жизнь свой крест по белу свету
И не пытайся сбросить ношу эту
С натруженных тяжелым грузом плеч.
И как бы не сгибала маета,
Не думай, что несешь его впустую.
Запомни с детства истину простую –
Никто прожить не может без креста!

В ШКОЛУ

Над селом уже светает.
Дым из труб валит столбом,
А потом бесследно тает
В чистом небе голубом.

Сколько вольного простора!
Снег – не снег, а белый шелк!
Еле слышный звук мотора
За околицей замолк.

Пес пролаял одиноко,
Раскатился стук ведра,
Хриплым голосом сорока
Прокричала у двора.

Отливает перламутром
Речки скованной стекло.
Не спеша морозным утром
Просыпается село.

День без ветра, день без тучек,
Из литого серебра.
И тебе, мой милый внучек,
Как и всем вставать пора.

Наш домашний шум нарушил
Связь твоих счастливых снов.
Ты умойся и покушай
Сладких бабиных блинов.

Собери за книжкой книжку
В свой зеленый рюкзачок
И скорей беги вприпрыжку
В нашу школу на урок.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВНУЧКЕ

Вьется за окнами ночь белокрылая,
Грустно и холодно ей,
Спи, моя внученька, спи, моя милая,
В теплой кровати своей.

Стелет повсюду метель белоснежная
Мягкой перинкою снег.
Спи, моя крошечка, спи, моя нежная,
Маленький мой человек.

Бродят по комнатам тени бесшумные,
Тихо стоят у дверей.
Спи, моя славная, спи, моя умная,
Спи, засыпай поскорей.

Спи, моя девочка, спи, моя лапушка,
Баюшки, баю, баю.
Снова поет тебе добрая бабушка
Песню ночную твою.

НИНЕ

Тихий вечер с далеких полей
Навевает осеннюю грусть.
Что прошло, ты о том не жалеяй:
Отболело в тебе, ну и пусть!

Не вернется – зови, не зови,
Не стучи в дорогое окно.
Время радости, время любви
Только раз человеку дано.

Если б можно его сохранить,
Если б можно его уберечь.
Но недолга непрочная нить
Нежных вздохов и сладостных встреч,

Незаметно порвется она,
И никто уж ее не спрядет.
Отгорит, отсияет весна,
И холодная осень придет.

Мы с тобою друг другу верны:
Бьются рядышком наши сердца.
И тепло той далекой весны
Будет греть нас с тобой до конца.

ТЫ — РУССКАЯ

Я не ищу той, древней, красоты,
Которой в прошлом славились этруски.
В твоём лице прекрасны все черты,
И для меня красива ты по-русски.

По-русски ты румяна и бела
Без утренней косметики и грима,
По-русски ты наивна и мила
И в действиях своих неповторима.

По-русски ты надежна и сильна,
Насмешлива по-русски и шутлива,
По-русски рассудительна, умна,
По-русски ты достаточно сметлива.

В твоих глазах сверкающий огонь,
А на губах девичья алость сока,
В твоих руках послушен добрый конь,
В твоих словах уверенность пророка.

Ты женского достоинства полна,
Ничуть не избалована судьбою.
Ты - мать моих детей, моя жена,
Ты - русская, и я горжусь тобою.

МАМИН ХЛЕБ

Господи, как время пробежало,
И какой прошёл я долгий путь!
Времени безжалостное жало
Мне с утра сегодня колет грудь.

Помню нашу ветхую избенку,
Где качались тени в полумгле,
Где катал я младшую сестренку
На чужом горбатом костыле.

Мама поздно с поля приходила,
Раздевалась прямо у стола,
На залавок грустная садилась
И делила хлеб, что сберегла.

Сберегла под мокрую фуфайкой,
В пиджаке с отцовского плеча
В тряпочку завернутую пайку –
Дорогую четверть калача.

Долго-долго мы с сестрой жевали:
Мы умели хлеб тогда ценить,
Мы его по крошке отрывали
И боялись крошку уронить.

За окошком дождь осенний капал,
Заунывный ветер пел в ночи.
И шептал я тихо: «Папа, папа!»
Рядом с мамой лежа на печи.

Мой отец тогда погиб под Тверью,
Он в атаке яростной умолк.
А под утро перед нашей дверью
Выл тоскливо одинокий волк.

Шли невзгоды черной полосой,
Но жилось бездумно и легко.
Детство-детство, бедное, босое,
Как ты оказалось далеко!

Комом подступают к горлу слезы
Да рукой горячей лоб измят:
Нет и мамы, только три березы
Над ее могилою шумят.

Многое ушло из жизни ныне,
Но к добру не стал я глух и слеп.
И всегда я помню, как святыню,
Сбереженный нашей мамой хлеб.

ПИСЬМО СЫНУ – СОЛДАТУ

Мой сын, тебе сегодня двадцать лет,
Ты возмужал за два армейских года
И понял то, как хрупок белый свет,
И то, что в жизни главное – свобода.

Ты повзрослел так далеко от нас,
Солдатский долг твой стал тому причиной.
А я хочу в своем письме сейчас
Поговорить с тобою, как с мужчиной.

Да, у солдата служба нелегка,
Не сладкий мёд, не масленая булка.
Вся наша жизнь, мой милый сын, пока
Не легкая и праздная прогулка.

Её прожить – не поле перейти,
Как встарь не зря сказали наши деды.
И могут нам на жизненном пути
На плечи лечь и радости, и беды.

Ты стойким будь, когда придет беда,
Живи всю жизнь, как будто служишь службу,
И больше всех наград цени всегда
Мужскую неизменчивую дружбу.

Не будь жесток, к чужому горю слеп,
Правдив ты будь и честен по-солдатски,
И где бы ни был ты, последний хлеб
Всегда дели с товарищем по-братски.

Всю жизнь учись – нет горя от ума,
Оно лишь от безделья – развлеченья.
Запомни ты, сынок, что жизнь сама –
Большое непрерывное ученье.

Я рад, что знаешь службу ты свою,
Что нашему последовал совету.
Твой дед погиб, как сибиряк, в бою,
Ты всюду верен будь его завету.

Как он, ты нашей Родине служи,
Готовым будь к учению и к бою.
И Родиною так же дорожи,
Как в жизни каждый дорожит собою.

Пишу тебе, а всё село во мгле:
Уж ночь, и печь гудит у нас в квартире.
Пусть будет мир на всей большой Земле,
И мы все будем с миром в этом мире!

СВЕТ В ОКНЕ

Над миром распростерлась ночь глухая:
Луна за облаками не видна,
Но мне сквозь мрак по-прежнему сияет
Далекий свет заветного окна.

Была опять охота неудачной,
Подкрался дождь – любой охоты враг.
Шагаю без дороги ночью мрачной
И мне с трудом дается каждый шаг.

Под медленным дождем мой плащ сыреет,
И чьи-то тени по полю бредут,
Зато всегда надежда сердце греет,
Что там меня давно с охоты ждут.

Приду домой, осилю непогоду,
В дверь постучу, откроется она,
И будет рада моему приходу
Моя нетерпеливая жена.

Разденет и нальет крутого чаю
И рядышком присядет у стола,
И тихо скажет: как же я скучаю,
Когда одна, а за окошком мгла.

Забуду о проделках непогоды
Под ласковыми взглядами жены.
И все мои охотничьи невзгоды
Окажутся нелепы и смешны.

МОНОЛОГ О МАТЕРИ

*Светлой памяти моей мамы
Ефросиньи Архиповны.*

Дорогая моя, после долгой разлуки,
После долгих скитаний, по-прежнему твой,
Я вернусь, я пожму твои теплые руки
И к родному плечу я прижмусь головой.

Мы с тобой посидим на заветном крылечке,
Говоря о прошедших нелегких годах,
Мы послушаем шум нашей маленькой речки
И возню воробьев в деревенских садах.

Ты, конечно, всплакнешь от хорошей причины,
Ты вздохнешь много раз, но уже без тоски.
Я с любовью твои поцелую морщины
И ладонью поглажу седые виски.

- «Как ты, мама, жила?» - первым делом спрошу я.
Ты ответишь: - «Все так же, сыночек родной.
Каждый день по утрам на работу спешу я,
А вот вечером дома тоскливо одной.

Валя пишет, как ты же, про мать не забыла.
Прибегают соседи, а так – все одна.
Две недели назад квартирантку пустила,
Зоотехником в нашем колхозе она».

Всё получится, мама, я думаю – просто:
В тот же вечер, узнав о приезде моём,
Соберутся друзья, будут шутки и тосты,
Мы под рок потанцуем и песни споем.

А когда мы останемся только с тобою
И усну я, счастливый от радостных встреч,
Ты огонь уберешь беспокойной рукою,
Чтоб как можно подольше мой сон уберечь.

Ты по дому ходить потихонечку будешь,
Повторяя себе: - «Как сынок-то хорош!»
Ты и утром сынка ни за что не разбудишь,
А, сготовив еду, на работу уйдешь.

Я от солнца проснусь, выйду босой в ограду,
Где висит рукомойник на старом столбе,
Пожую пирогов и к тетрадке присяду,
Чтоб в душевных стихах рассказать о тебе.

Я припомню всё то, что ты мне говорила,
И чего повторить не смогла никому ...
...Покраснев от смущенья, ты дверь отворила
Босоногой девчонкой в кулацком дому.

Сразу встала горой над тобою хозяйка.
Подняла подбородок чужая рука.
Усмехнулась хозяйка: - «Вот нянька так нянька,
Чуть побольше Ильи. От горшка два вершка».

Сын хозяйский, Илья, улыбался губасто
И, виляя попёшкой, полз от стола.
А хозяин сказал: - «Отдохнули – и баста!
Принимайтесь-ка, бабы, теперь за дела».

У родителей не было хлеба ни крошки,
А ни много, ни мало, но семеро ртов.
Ты стирала белье, мыла чашки и ложки,
Ты пасла и доила хозяйских коров.

Ты хотела учиться, чтоб мудрость науки
Стала ясной тебе, как отцовы слова.
Но твои покрасневшие детские руки
Не держали пера, а кололи дрова.

Ты обиды терпела от выродков разных,
А тебя поддержать – не нашлось никого.
Ты бежала домой, как на радостный праздник,
Но лихая нужда омрачала его.

Только мать над тобою ревела украдкой,
Да с тобою бодалась ручная коза.
И тогда-то, наверно, от жизни несладкой
Погрустнели твои голубые глаза.

Было трудное время невиданныхстроек,
На собрании сельском был создан колхоз.
И однажды под вечер весенней порою
Твой хозяин уехал и семью увез.

Время быстро летело над милой сторонкой.
Ты росла, хорошела среди новых подруг.
И уже длиннокосой красивой девчонкой
После трудного дня приходила на круг.

Ты могла и траву покосить на покосе,
И на веялке старой навеять зерна.
И тобой любовались: - «Вот Фрося, так Фрося!
Молодая, а как работаща она».

Что ты знала? Навоз да колодезный ворот.
Что ты видела, кроме обид и труда?
А подружки твои, что уехали в город,
И тебя соблазнили поехать туда.

Ты пристроилась к ним на попутные дроги
И ушла навсегда из родного села.
Так с подругами ты на железной дороге
И работу себе, и квартиру нашла.

Наступила пора совершенно другая.
Дни летели, и радуя, и веселя.
Вы работали, песней себе помогая,
На расчистке путей, на разгрузке угля.

- «Там, вдали за рекой, догорали огни,
В небе ясном заря догорала.
Сотня юных бойцов из буденовских войск
На разведку в поля поскакала».

Эта грустная песня летела куда-то
В заливные луга за Тоболом-рекой.
И веселые песни любили девчата,
Нарушая поселка привычный покой.

На гуляньях же ты удивляла подружек:
Ты плясала в кругу – это надо уметь!
И такое ты множество знала частушек,
Что любую из них ты могла перепеть.

- «Ох, топни нога,
Топни, правенькая!
Все равно ребята любят,
Хоть и маленькая».

Познакомилась ты с паровозом и стрелкой,
Вечерами училась, ходила в кино
И смотрела на мир ты не в узкую щелку,
А в большое, раскрытое настезь, окно.

Ты ребят городских перестала дичиться.
Познакомилась ты с удалым молодцом,
От которого мне суждено было скоро родиться
И которого я называю отцом.

Как и ты, он приехал в Курган из деревни,
Чтобы стать трактористом, владыкой полей.
Он тебя привлекал балалайкой напевной,
Глубиной серых глаз и волною кудрей.

Шла зима. По-над городом вьюги носились,
Заметали дома, закрывали пути.
Той зимою отец мой и ты поженились,
Чтобы вместе и дружно по жизни идти.

Вы любили друг друга, а в раннем апреле
Кончил курсы отец. И когда рассвело,
Вы в Кургане на сани попутные сели,
И возница домчал вас в отцово село.

В неказистом домишке у свёкра с свекровью –
Раскулачили их в тридцать третьем году –
Вы ютились, но честным трудом и любовью
Одолеть постепенно сумели нужду.

Вы работали вместе на тракторе новом:
Трактористом отец, а прицепщицей – ты.
Было время тогда и крутым, и суровым,
Но сбывались семейные ваши мечты.

Вы избушку себе и корову купили...
Вдруг над вами сгустились беды облака:
Мрачным утром отца увезли, обвинили:
- «Враг народа, вредитель и сын кулака!»

Как же вас наказали безвинно, жестоко!
Твое сердце обида рвала на куски.
И тогда-то, наверно, от жизни нелегкой
В двадцать три у тебя поседели виски.

Об аресте отца вся округа судила:
Кто-то с жалостью, кто-то с враждой на уме.
Из села до Кургана пешком ты ходила,
Чтоб узнать об отце в ненавистной тюрьме.

Много женщин там было – моложе, старше,
Но тебе в память врезалась только одна.
- «Я не красное солнышко, не обогрею.
Виноват, пусть сидит!» - говорила она.

Ты же так не могла. Ты ждала и страдала,
О мою колыбель опираясь плечом.
И хромя цыганка тебе нагадала,
Что темница откроется правды ключом.

Ты поверила ей. И отца отпустили:
Клеветой и наветом оказалась вина.
И вечерней порой, когда звезды светились,
Ты приникла к нему – верный друг и жена.

О потерянных месяцах вы горевали,
Но от сердца простили того подлеца.
Родилась у вас дочь – черноглазая Валя,
Гордость бабушки Фени и радость отца.

Отступила боязнь, успокоились нервы,
Получали вы деньги и много зерна.
Счастье длилось недолго – и вот в сорок первом
Над великой страной разразилась война.

Сводки радио всех в напряженье держали,
Привозили повестки в село без конца.
Каждый день мужиков вы на фронт провожали,
Проводили все вместе на фронт и отца.

Молодые храбрились заносчиво, пьяно:
- «Смерть фашисту! Меня только тронь!»
И звучала веселая песня Демьяна
От села до села под лихую гармонь.

- «Как в солдаты мать меня провожала,
Тут и вся моя родня набежала.
- Ах, куда ж ты, паренек, ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты!»

Далеко-далеко по лесам и курганам
Шел в атаку отец, сокрушая врага,
И не раз, и не два он залечивал раны,
Не один и не два износил сапога.

Проходил он науку свою огневую,
А наука солдата крестила огнем.
Были редкие письма: - «Живой и воюю.
Как сама ты, как дети? Пиши обо всём.»

Наша Родина всё отдавала для фронта.
Инвалиды да женщины были в тылу.
Убирали хлеба, занимались ремонтом,
Засыпая порой у станка на полу.

Эти женщины делали пушки, снаряды,
Их «катюша» фашистов и жгла, и мела.
Чтоб исчезли с планеты презренные гады,
Им священная ненависть силу дала.

Из России жена и сестра с Украины,
Светлой Грузии дочь и Армении мать,
Вы растили детей, расчищали руины,
Помогали на фронте бойцам воевать.

Над селом так и реяли вести о смерти
В летнем солнечном свете и в снежной пыли.
Не забудешь вовек, как тебе в сорок третьем
Похоронный листок на отца принесли,

Как тебя отливали водою соседи,
Что на помощь пришли в горемычный наш дом.
И безродный, безногий сосед, дядя Федя.
Тоже плакал и громко стучал костылем.

Ты ходила по комнате, словно старушка,
Ты металась по комнате в смертной тоске.
И от пролитых слез была мокрой подушка,
И платочек из ситца был мокрым в руке.

Не зажглись у икон поминальные свечки,
И не выпил никто на поминках вина.
А мы с Валею играли на русской на печке
И понять не могли - что такое война.

Ты очнулась под утро. Всё было немило.
Но пошла, потихоньку взялась за дела.
Это жизни могучая вечная сила
Подняла тебя, мать, и надежду дала,

Повела за собой сквозь дождливую заметь,
Через холод и зной, через сорок смертей,
Чтобы ты, об отце охраняючи память,
Как у нас повелось, воспитала детей,

Чтоб светлели от солнца глаза голубые,
Чтоб твои – незаметной крестьянки – труды
Помогли хоть немного военной России
Встать из пепла войны и уйти от нужды.

И опять на ветру, на жаре, на морозе
Ты возила солому, доила коров
В обедневшем, притихшем от горя колхозе,
Помогая друзьям, охраняя свой кров.

И когда тебе весть о советской Победе,
Отрешившись на час от мирской суеты,
Принесли на глазах со слезами соседи,
То от вести такой разрыдалась и ты.

День Победы запал мне в мальчишечью душу,
Я запомнил его, хоть всё было давно:
Все ходили по улицам, пели «Катюшу»,
Под гармошку плясали и пили вино.

На какое-то время исчезли печали,
Отлетел долгой боли терзающий чад.
И на улицах сельских частушки звучали
В исполнении наших красивых девчат.

- «Эх ты, Гитлер, твердый лоб,
Закажи себе ты гроб.
Если гроба не закажешь,
Без него ты в землю ляжешь.

Скоро кончится война,
Пойдут ребята ротами.
Своего я дорогого
Встречу за воротами».

Отплясал по стране день Великой Победы
И ушел с нестареющей славой в века.
Возвращались отцы, чьи-то братья и деды,
Но не все дождались своего мужика.

Храбрецам и бойцам из могил не подняться,
В смертоносных осколках земля тяжела.
Вот и ты, моя мать, не сумела дожждаться,
Хоть любимого верно и долго ждала.

Избавлялась от страшного ига Европа,
На маньчжурской земле был разбит самурай.
Подарил мне костыль фронтовик дядя Степа:
- «На, Коляха, хреновину эту, играй!»

Постепенно в колхозе латали разруху,
Все же бабьей сильнее мужская рука.
Мы ходили в детсад, там нам хлеба краюху
Выдавали в обед и стакан молока.

А ты нам приносила колхозную пайку,
На корове в Курган увозила ты нас.
Там купила ты мне на ватине фуфайку,
Как я был ею горд – я пошел в первый класс.

Ты с работы домой приходила устало,
Грела руки, не зная, куда же их деть.
А потом и сестра первоклашкой стала,
Надо было детей накормить и одеть.

Мы учились, росли. Ты жила и старела,
Пережившая холод и голод, и боль.
Незаметно и сердце твое заболело,
И осыпала волосы белая соль.

День за днем уплывали, как вешние воды,
Но свою доброту ты в душе сберегла,
Ты жила для детей, победила невзгоды,
Ты не зря на земле, моя мама, жила.

Пусть морщинки на коже и моченьки нету,
И у сердца неровен волнующий стук,
Твоя жизнь воплотилась в стихи и ракеты,
Твоя жизнь воплотилась в дела наших рук.

Все мы в поиске, все в постоянной дороге,
Колесим и в степях, и в далеких морях,
Но все время грустим о родимом пороге,
Но все время грустим о своих матерях.

Мы по лестнице лезем, поставленной круто,
Мы мечтаем, чтоб нами была ты горда.
Наши мысли с тобою в любую минуту,
Наши руки в твоих, дорогая, всегда.

Мама, мама моя, после долгой разлуки,
После долгих скитаний, по-прежнему твой,
Я вернусь, я пожму твои теплые руки
И к родному плечу я прижмусь головой.

ЭПИЛОГ

Много лет пронеслось, как поэму о маме
Написал я – тогда неумелый поэт.
А сегодня на столике в траурной раме
Я храню очень простенький мамин портрет.

На портрете неброском не классная дама:
Ясен взгляд, сжаты губы, повязан платок.
Ты прости, ты прости меня, милая мама,
Что стихов о тебе не печатал сынок.

Были годы раздумий и годы сомнений.
Покидал я село и родительский дом.
Много легче тому, кто с рождения гений.
Я – не гений, и все мне дается трудом.

Я поэму о маме достал из-под спуда:
Светом разума вдруг озарилась моя голова.
Начал снова писать и – какое же чудо! –
Из сердечных глубин появились слова.

Нет со мною тебя, моя добрая мама,
Я надеюсь, что ты в лучезарном раю.
Я же лезу по лестнице жизни упрямо,
Ощущая все время поддержку твою.

Много пролито слез, много спрятано стонов,
Не найти в твоей жизни ни дня, что медов.
Жизнь твоя – это горькая жизнь миллионов,
Миллионов, войной обездоленных вдов.

Как и старых бойцов, их уже единицы,
Их болезни и годы от нас увели.
И от всех от живых я хочу поклониться
Матерям нашим милым до самой земли.

Ты жалела обиженных, нищих, ранимых,
Привечала гостей, наливала по рюмке винца,
Ты успела понянчить и внуков любимых,
Но с болезнью ушла, ничего не узнав про отца.

Время движет все так же бегущие стрелки.
Книга Памяти нам рассказала теперь,
Что отец похоронен в селе Погорелки,
В незабытой могиле под городом Тверь.

Ты все годы жила, о любимом печалась,
Поминая его, моя старая мать.
Может там, в небесах, вы с отцом повстречались
И с любовью сумели друг друга обнять.

Мы не знаем того. То известно лишь Богу.
Долго наши сердца материнская греет звезда.
Изменяется мир, забывается все понемногу,
Только мать и отца мы не сможем забыть никогда.

1964 -2006 годы.

БЛАГОДАРЮ

Жизнь, я за всё тебя благодарю:
Была ты и суровой, и приветной.
Благодарю за новую зарю,
За то, что слышу птиц порой рассветной.
Благодарю за рыбку на крючке,
За нежный шелест ласковой березы,
За светлый день на солнечной реке,
За чистый смех и пролитые слезы,
За благосклонность высших добрых сил,
Что нас хранят под солнцем и луною,
За девушку, которую любил:
Она мне стала верною женою.
О жизнь моя, ты грусть мою развей,
Настрой ты лад сердечных перестуков,
Благодарю тебя за сыновей,
Благодарю за наших милых внуков.
Благодарю за терпкий вкус ухи,
Моей супругой сваренной умело,
Благодарю за умные стихи,
Что ты в лесу навеять мне сумела.
Я маю рад и рад я сентябрю,
Как новенькой игрушке рады дети.
За всё, за всё хорошее на свете
Я жизнь свою сейчас благодарю.

*Я всем с поклоном и приветом
Несу поэзии свечу
Хочу я в жизни быть поэтом
И гражданином быть хочу.*

**Я
ШЁПОТОМ
ЖИТЬ
НЕ ЛЮБЛЮ...**

МОЯ СТРАНА

Моя любимая страна,
С её широкими полями,
С её высокими горами,
С её бескрайними степями,
С её безбрежными морями,
С её цветущими лугами,
С её белейшими снегами,
Мне дорога всю жизнь она.

Моя священная страна
С её покоем деревушек,
С её величием церквушек,
С её поклонами старушек,
С её узорами опушек,
С её цветистостью игрушек,
С крестьянской пышностью подушек,
Она прекрасна и вольна.

Моя печальная страна
С её горячими слезами,
С её святыми образами,
С её шумливыми лесами,
С её дневными голосами,
С её ночными небесами
И с дождевыми облаками,
Она такая лишь одна.

Моя богатая страна
С её огнями нефтяными,
С её машинами стальными,
С её хлебами разливными,
С её озерами степными,
С её ресурсами людскими,
И с корпусами заводскими,
По чьей вине она бедна?

ДУША

Обходя пешком земную сушу,
Опускаясь в глубь морей до дна,
Все поэты воспевают душу,
Но не представляют, где она.

И никто им в этом не поможет,
Вековую тайну сокруша.
Вот и я, как все, не знаю тоже,
Где во мне заключена душа.

Но в одном уверен я при этом,
Что душа зовет меня: пиши!
Никогда не может быть поэтом
Человек, творящий без души.

ДАЛЁКОЕ

Далекие были,
Геройские дни:
Я помню, как плыли
Над степью огни.
Мы марку держали,
Любили весну,
Мы в ночь выезжали
Пахать целину.
Огни на курганах,
Свет давней поры.
Там часто на станах
Нас грели костры.
И песни звучали
Под старый баян,
И птицы кричали
Сквозь белый туман.
Исчез без возврата
Целинный уют,
И песен ребята
Давно не поют.
Их образы стерлись,
Как дымка с утра.
И пеплом подернулись
Угли костра.

ЛУЧ

Дрожащим светом даль объята,
Тревожным грохотом полна.
Под звуки вещего набата
Грядут иные времена.

И вспыхнет луч за черной тучей,
И приходящий день земной
Развеет снова мрак летучий
Над ослепленную страной.

И над горами смолкнет буря,
И успокоятся моря,
И, открывая путь лазури,
Зажжется алая заря.

С улыбкой брат обнимет брата,
И примирятся племена...
Дрожащим светом даль объята,
Тревожным грохотом полна.

УМИРАЕТ ДЕРЕВНЯ

*«За последние десять лет в России
исчезло 130 тысяч деревень.»
Из газет*

Соловей засвистал под горою,
Но не радуется песнь соловья.
Плачет сердце весенней порою:
Умирает деревня моя.

Вечерами всё тише и тише,
Не звучат молодых голоса.
И всё меньше у нас ребятишек,
И безлюдней поля и леса.

С каждым годом густеют бурьяны
Над гнилушками бывших домов.
И всё больше на улице пьяных,
И всё меньше толковых умов.

Вытру горестно слезы скупые:
Уезжают, прощаясь, друзья.
Умирает деревня моя ...
Ты не плачешь, Россия?

* * *

Я шепотом жить не люблю,
Я той, комсомольской, закваски,
Не верю во лживые сказки,
Что нам продают по рублю.
Не верю воскресшим орлам,
Вцепившимся лапами в землю,
И новый российский бедлам
Я сердцем своим не приемлю.
Лжецу не подам я руки,
Презреньем отвечу бандиту
И волком оскалю клыки,
Бесправному встав на защиту.
Поэты властям не нужны,
Пугают их гневные строки,
Властям скоморохи важны,
Что глупо трещат, как сороки.
Мы – совесть российской земли,
Мы – судьи всесильной элиты.
И нас ещё не погребли
Бездушья могильные плиты.
Былого величья лучи
Нас греют всё хуже и хуже.
И тот, кто сегодня молчит,
Пособником этому служит.

ЖЕСТОКОСТЬ

Время, время, а ты всё то же,
Улетаешь, свой суд верша.
Твою сущность понять не может
Человеческая душа.

Мало совести, мало чести
В наши дни на Руси святой,
Только деньги на первом месте,
А всё прочее - звук пустой.

Видишь боль всероссийской драмы
И не знаешь: кого винить?
Бесталанные наши хамы
Всё стараются очернить.

Как в чистойшую воду колодца,
Беспардонно плюют в лицо
Славе гениев, полководцев,
Славе прадедов и отцов.

Право отдано бритому темени,
Что жирует, страну губя.
Жалко, если не хватит времени,
Русь привольная, у тебя.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОГО КИОСКА

Разноцветные суперобложки,
Детективы и боевики.
На обложках красивые ножки,
Автоматы, наганы, клинки.

Взгляд по книгам скользит, и досада
Острой болью пронзает всего:
Все обилие это - для взгляда,
Для ума и души - ничего.

Перестрелки и сцены разврата
Снизу доверху, словно стена.
Все, что было прекрасно и свято,
Растеряла в реформах страна.

Мчит Россию глухая стихия,
Только пыль-бездуховность столбом.
Я боюсь: разобьется Россия,
В эту стену ударившись лбом.

ПОРА

– Пора очнуться! – утром я кричу.
– Пора на божий мир взглянуть с любовью.
И тут же, повернувшись к изголовью,
Пора задуть оплывшую свечу!

Пора проснуться, милые мои:
Пришла весна и в сердце нет печали.
Над черным полем гуси откричали,
И в лозняках запели соловьи.

Пора вставать, пора встречать рассвет,
Наступит скоро солнечное лето.
О Родина, привет тебе, привет
От русского крестьянского поэта!

Привет твоим рабочим у станков
И пахарям твоим привет сердечный!
Спасибо за сиянье облаков,
За твой простор, до боли бесконечный.

Как флаг, ты держишь алую зарю,
А в небе голос жаворонка звонок.
О Родина, я на тебя смотрю
И радуюсь, как маленький ребенок.

ПЕРЕВАЛ

Мы шли сквозь колкую метель
К хребту крутого перевала.
И наша дружная артель
В снегах дорогу пробивала.

Был страшно трудным горный путь,
Метель во тьме ночной свистела.
Стучало гулко сердце в грудь,
Как будто выпрыгнуть хотело.

Метель смеялась нам в лицо,
Смеялась яростно и внятно,
А склон, как скользкое яйцо,
Старался сбросить нас обратно.

Никто погибнуть не хотел,
Борясь с жестокой снежной пляской.
И вся цепочка сильных тел
Была единой прочной связкой.

Уставший падал в белый дым,
Ругал всеслышно сволочь – вьюгу,
Но тот, кто следом шел за ним,
Спешил тотчас на помощь другу.

Да, каждый падал и вставал.
И крепко спаянной артелью
Мы одолели перевал
И посмеялись над метелью.

Как льдинка в солнечном огне,
Надежда тает год за годом.
Не оттого ли грустно мне
Под бирюзовым небосводом?

Не оттого ли грустно мне,
Деревня русская, родная,
Что топишь ты себя в вине,
Обычной радости не зная?

Идет, шатаясь, мой сосед,
На мой вопрос остановился:
Работы нет, зарплаты нет.
Свинью зарезал и напился.

Не оттого ли грустно мне,
Что с криком вороны летают,
Что здесь, в привольной стороне,
Поля осотом зарастают?

Директор наш угрюм и сед,
С утра до вечера в аврале:
– Бензина нет, солярки нет
И за долги зерно забрали.

Насмарку весь столетний труд
Пустили новые невежды.
Они пришли, они уйдут.
Так неужели нет надежды?

СПЕСЬ

Спесивы мы, всегда собой горды,
Не признаваясь в этом, между прочим,
И даже за ничтожные труды
Себя бесспорно в гении пророчим.

В кругу порочном собственных идей,
Зациклившись на собственном предмете,
Не замечаем мы других людей,
Как будто бы одни живем на свете.

Мол, человек для человека – волк,
А человечество – большая стая.
Все лучшее у них берем мы в долг,
Им ничего взамен не отдавая.

И всё же на земле когда-нибудь –
В то нужно верить каждому живому,
Наш бездуховный и неверный путь
Нас приведет к порогу роковому.

Покинет нас безудержная спесь,
Когда, как гром небесный на закате,
Нас поразит безрадостная весть
О нашей неминуемой расплате.

Замрет неукротимый бег времен,
Ошеломив нас замершим движением.
И будет на пороге жизни он
Неумолимым нашим поражением.

О СЕБЕ

Не жду я славы и поклонов
И не хочу ворваться в свет.
Никто не скажет, что Аксенов
Чванливый, ветреный поэт.

В лихом порыве страсти мнимой
Я миг удачи не ловлю
И всякой подлостью ранимый,
С тобой, читатель, боль делю.

Себе грехов я не прощаю,
Зря не люблю слова бросать
И никогда не обещаю
Под чью-то дудку поплясать.

Я всем с поклоном и приветом
Несу поэзии свечу.
Хочу я в жизни быть поэтом
И гражданином быть хочу.

ДОБРО

Как бы судьба не омрачала,
В какой бы не водила мгле,
Я верю в доброе начало
Всего, что сущее на земле.
Всё – для добра: зима и лето,
Трава, цветы, искристый снег
И всякий зверь, и лучик света,
И сам всесильный человек.
Добро живёт, не умирая,
Во всем – и только доброта
Нас приведёт к воротам рая
Путем бессмертного Христа.

РАЗДОР

Молчи ты, несчастная Муза,
Рыданья твои не нужны.
Нет больше в народах союза
И нет величавой страны.
Развалины гложут от пыли,
И злобу таят кулаки.
Что мудрые люди скопили,
Развеяли в прах дураки.
Мы ходим и ходим кругами,
Но будет ли распрям конец?
И громко хрустят под ногами
Осколки разбитых сердец.

ГНЕВ

«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

Иисус Христос

О Кавказ! Непрístupные скалы...
Как могучий безжалостный лев,
Здесь по кручам и страшным провалам
Бродит тайно неистовый гнев.

Он таится то в горном ауле,
То в ореховой роще, злодей,
И бросается яростной пулей
На незваных и званых людей.

Этот зверь никого не жалеет:
Ни седого хаджу, ни юнца.
Нет его беспощадней и злее,
Если он проникает в сердца.

Гнев не знает ни вер, ни наречий,
Он приходит из мрака и льда,
И от гнева в сердцах человеческих
Закипает, как магма, вражда.

Мир на добрых дела и проклятых,
Гнев опасен в смертельном броске.
Это с ним говорят автоматы
На свинцовом своем языке.

Помоги нам, Аллах милосердный,
Образумь нас, всевидящий Бог.
Каждый «верный» и каждый «неверный»
У твоих простирается ног.

Все мы здесь от Адама и Евы,
От твоей животворной звезды,
Упаси нас от страха и гнева,
Упаси от ненужной вражды.

Чтобы в царстве и счастья и света
Пели дети и спело зерно.
Над прекрасной цветущей планетой
Одно небо и солнце одно.

* * *

Я деньгам поклоняться не буду
На глазах у господ и у дам,
Не сменяю Христа на Иуду
И души никому не продам.

Мир давно уж тельцом испоганен.
Я в собратья тельцу не гожусь.
Сын крестьянский, я – тоже крестьянин
И своими корнями горжусь.

* * *

Вот и снова запела труба
И пронзительный звук нарастает.
Это – рок, это – злая судьба
Над несчастной Россией летает.

Мы разрушили все без войны.
Мы в неволе без лагерных вышек.
И бредут по дорогам страны
Обитатели нищих домишек.

Что их гонит: угрозы врагов
Или чьи-то лихие проклятья?
Но бегут от родных очагов
Наши кровные русские братья.

Дым пожарищ над миром плывет,
Свищут пули и рушатся зданья.
Кто убит, кто на помощь зовет,
Но и он не найдет состраданья.

Новый Ангел над миром трубит,
Пролетая по белому свету.
И труба из небесных глубин
Сотрясает и нас, и планету.

* * *

Знаю я, что не плачут мужчины,
Просто снегу в глаза намело.
Я стою у высокой рябины
И смотрю на родное село.

Ветер терпким туманом разносит
Кучерявые дымы над ним.
Сколько было здесь радостных весен,
Сколько было сверкающих зим!

Сколько было здесь встреч и свиданий,
Сколько было друзей и подруг!
Улетели за тройкою сани,
Только белые вихри вокруг.

Говоря, что не плачут мужчины,
Я, наверное, сам себе лгу.
Капли ягод с высокой рябины
Алой кровью горят на снегу.

СЕВ

Над плешинами дальних бугров
Растревожена сила земная,
Разлетается гул тракторов:
Днем и ночью идет посевная.

Режут вспаханный пласт сошники,
Закрывая добротные зерна.
Дорогие мои земляки,
Вам в полях зауральских просторно.

Наградит вас родная земля,
За старанье воздаст вам сторицей.
Будут летней порою поля
Зеленеть колосистой пшеницей.

Высевая весною зерно,
Вы не ждете почета и славы:
Вам великое счастье дано –
Быть кормильцами нашей державы.

* * *

*«Взгляни на братьев, убивающих друг
друга.
Я хочу говорить о печали.»*
Сутта Нупата

В жизни все и понятно, и просто:
Смерть идёт, а глазницы пусты.
И встают каждый день на погостах,
Свои руки раскинув, кресты.
Рубит сосны топор дровосека –
Перед гибелью стонет сосна.
С дней творенья до нашего века
Не кончается в мире война.
Рвутся бомбы, снаряды и мины,
Нет бессчётным убийствам конца.
Нападают со злобой звериной
Брат на брата и сын на отца.
Мы со смертью себя повенчали,
Кровью залили весь белый свет.
Я хочу говорить о печали:
В зверстве
Солнечной радости
Нет.

* * *

Обделен я радостью земною,
До неё никак не доберусь.
И стоит, скорбя, передо мною
Как и я, безрадостная Русь.
Небо льет тягучие потемки,
Мрачен запад и восток свинцов.
Оробели хилые потомки
Удалых прославленных отцов.
Их дурит кремлевская элита:
Пусть живут тихонько, не грубя.
Им уже не выступить открыто,
Чтобы защититиь самих себя.
Прежние разрушены устои,
Жаба равнодушия в груди.
Стали трусоватыми герои,
Стали бесхребетными вожди.
Обделен я радостью земною,
До неё никак не доберусь,
И стоит, скорбя, передо мною,
Как и я, безрадостная Русь.

* * *

Пускай провиденьем пророка
Не обладаю я, друзья,
Порой судьба ко мне жестока,
Порой презренна жизнь моя,
Порой гнусавые напевы
Мне вьюга зимняя поет,
Порой меня бросают девы,
Порою я, наоборот.
Порою ангел райским пеньем
Мне услаждает острый слух,
Порою Муза вдохновеньем
Ведет меня, чтоб не потух
В моей руке светильник нежный,
Что мне Господь на время дал,
И чтобы голос мой мятежный
Средь бурь мирских не утихал,
Чтоб обличал он вред порока,
И бред безбожного вранья.
Пускай провиденьем пророка
Не обладаю я, друзья.

ЭЛЕГИЯ

Скоро мы, а может и не скоро,
Улетим, покинув этот свет,
В синие небесные просторы,
К берегам неведомых планет.
И закончив трудную дорогу,
Мир земной в душе боготворя,
Мы себе прошепчем: слава Богу,
На земле мы прожили не зря,
Труд окончен, песни наши спеты,
Стих в груди живительный прибор.
Только мы с родной своей планеты
Ничего не унесем с собой:
Ни цветка на солнечной поляне,
Грозди на рябиновом кусту.
Все мы оставляем вам, земляне:
Счастье, доброту и красоту.
Не транжирьте их, в чаду сгорая,
Не спешите – мол, последний век.
Жизнь идет, она не умирает,
Умирает только человек.
Пусть одна лишь истина простая
Тянет вниз на жизненных весах:
То, что здесь мы на земле оставим,
То получим там, на небесах.
Пропоят серебряные трубы,
Позовут в незримое, спеша.
Замолкают спекшиеся губы,
Улетает грешная душа.

КОЛОКОЛ И МЕЧ

Когда терзал их страны грозный враг,
И не спасали горы и равнины,
Тогда вставали под российский флаг
Казахи, украинцы и грузины.
А Русь всегда на помощь братьям шла,
Чтоб недруги надолго присмирели:
Звонили на Руси колокола,
И острые мечи огнем горели.
Вставали, как стена, богатыри,
Несли стране немеркнущую славу.
И создавали русские цари
Великую, могучую державу.
Она стояла в доблести побед
Народам тем оплотом и дозором.
Но в наши дни державы славной нет -
Величие закончилось позором.
Мы вновь живем по разным берегам,
Все со своей национальной властью.
А разобщенность на руку врагам,
Что радуются нашему несчастью.
Они хотели этого давно,
Суля нам пресловутые «свободы».
Но верю я: им Богом не дано
Разрознить наши братские народы.
От бед Россию смогут уберечь,
Когда над нею встанет враг надменный -
Зовущий колокол, огнем горящий меч
И наш союз, незыблемо священный.

МОНОЛОГ ПРИДВОРНОГО

(сказочка)

По-моему, всякому ясно
И всякому видно сейчас,
Как всё хорошо и прекрасно
В большом королевстве у нас.

Дворяне богаты, спесивы,
У каждого свой кабинет,
Крестьяне у нас молчаливы,
Рабочих как будто бы нет.

Коньяк на столе у богатых,
А бедные пьют самогон.
У нас телевизоры в хатах...
И англо-французский жаргон.

Мы смотрим весь день сериалы –
Полезней всего отдыхать.
Работаем плохо и мало:
Зачем же на дядю пахать?

Мы в жизни своей озоруем,
Но делаем всё впопыхах:
Что плохо лежит – то воруем,
Как всюду воруют в верхах.

Мы в доллары веруем свято –
В них ценят себя короли,
А нашим рабочим зарплату
Раз в год переводим в рубли.

Годами закрыты заводы,
Травой зарастают поля.
Зато перед нашим народом
Мы хвалим всегда короля:

– Велик он, прекрасен и славен!
Беречь его нужно, хранить!
Он, кажется, даже державен
И некем его заменить.

За здоровье служим молебны,
Нас лесть не смущает ничуть.
И в наших поклонах хвалебных
Вся наша холуйская суть.

Но, правда, бывают «проколы»:
У нас уже несколько лет
Король по двору ходит голый,
А мы говорим – он одет.

Какое красивое платье
Сегодня надето на нем!
С какою он движется статью,
С каким выступает огнем!

Мы хвалим его без промашки.
Он любит придворную лесть.
Два слова прочтет по бумажке,
А то и не сможет прочесть.

Порою стыдимся мы даже,
Но страшно боимся сейчас:
Вдруг мальчик найдется да скажет:
– Король-то ведь голый у нас!

Не ведаем все мы, что будет.
Пугает нас призрак сумы.
Пусть господа молятся люди,
Помолимся дьяволу мы:

Спаси ты нас всех от напасти,
Такую беду пронеси,
Спаси от порядочной власти,
От честности нашей спаси!

Иначе все будет ужасно,
И слезы польются из глаз.
Ах, как хорошо и прекрасно
В большом королевстве у нас!

НОВЫМ КЛЕВЕТНИКАМ

Не знаю, как теперь назвать
Всех вас – бессовестное племя,
Что всё готово оплевать:
Страну, историю и время.

Вы возлюбили клевету,
Вам наше прошлое постыло.
Но вы плюёте в пустоту –
Вам не стереть того, что было.

Как не достать вам облака,
Так не отвергнуть речью властной
Того, что вписано в века
Рукою жизни беспристрастной.

Вот так же в прошлое до вас
Кидались грязными словами,
Ниспровергали – и сейчас
Урок наглядный перед вами.

Несла нас времени ладья,
Но рядом шли позор и слава.
И лишь единственный судья
Судить наш век имеет право.

Вы не черните свой народ.
Вдруг завтра новый ветер дунет:
В того, кто в прошлое плюёт,
В отместку – будущее плюнет.

БЕСПАМЯТСТВО

– «Поручик Голицын, корнет Оболенский!» –
Со сцены Малинин с надрывом кричит.
Слепят нам глаза цветомузыки всплески,
Дурманит гитара, а сердце стучит.

Под новую песню: довольные лица
У новых артистов и новых купцов.
А в годы гражданской поручик Голицын
Стрелял в наших дедов и в наших отцов.

Они воевали за правое дело,
Они умирали в жестоких боях...
А в зале сегодня сидят обалдело
Их правнуки, внуки и их сыновья.

Давно позабыты священные были,
И барды о красных героях молчат.
Мы предали их, мы их просто забыли,
Зато о Голицыне песни звучат.

Мы белым поручиком ныне гордимся,
Ему без ума рукоплещем сейчас.
А предков своих мы позорно стыдимся.
И им перед Господом стыдно за нас.

На нашей земле, где в снегах перелески,
У братских могил, что забыла страна,
Открой-ка бутылку, корнет Оболенский,
Поручик Голицын, надень орден!

* * *

Несу за потерей потерю,
Но милостыни не приму.
Я на слово больше не верю
На этой земле никому.

Во всех славословиях – беды,
Во всех обещаньях – обман,
На чистых знаменах победы
Заплеванный серый туман.

Другие возникли поверья,
Другие герои стоят.
И каплет с отточенных перьев
Густой отравляющий яд.

Бесчестные зло прославляют,
И лезут глупцы на Парнас,
И с книжных обложек стреляют
Жестокие мальчики в нас.

Стреляют, считая трофеи,
И горло друг другу грызут:
То жадность и подлость, как змеи,
По нашим дорогам ползут.

Нас влево и вправо бросает,
Как дикий табун лошадей.
И вера в добро угасает
В измученных душах людей.

А ОФИЦЕРЫ, КАК ВСЕГДА, ВЕРНЫ...

С экранов заливаются вруны,
Гербы меняют и меняют флаги.
А офицеры, как всегда, верны
Ненарушимой воинской присяге.

Манящий взгляд, накрашенная бровь,
Бутыль со льда стреляет белой пеной.
А офицеры проливают кровь
В горячих точках Родины священной.

По всей родной стране – и там и тут
Все схвачено «крутыми подлецами».
А офицеры улицы метут,
Чтоб кое-как свести концы с концами.

Дым сигарет свивается в жгуты
Над разноцветной россыпью картишек...
А офицеры продают цветы,
Чтоб накормить голодных ребятишек.

Висит над Русью плач и стон, и мат,
И жизнь идет без совести и веры.
А офицеры служат и молчат.
Да что же вы молчите, офицеры?

МАРШ-БРОСОК

Мчим, как танки, по белому свету:
Ошалело моторы гудят.
И на грешную нашу планету
Удивленные звезды глядят.

Мчим, себя и природу калеча,
Сила наша: ломай и верши!
Что нам, сильным, библейская вечность,
Что нам, смертным, бессмертье души?

Мы летим, мы включили моторы,
Мнем и топчем живое подряд:
Пусть взрываются в шахтах шахтеры,
Пусть леса вековые горят.

Всех нас алчность пьянит, как охота,
Мы стреляем и в «штык», и в «угон».
В марш-броске наша «новая» рота,
А Россия – большой полигон.

Мчим, как танки, по белому свету:
Ошалело моторы гудят.
И на грешную нашу планету
Удивленные звезды глядят.

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Нас ведет от ступени к ступени
В невозвратном смятении лет
Век двадцатый – быть может последний
Грозный век революций и бед.

Мы в отваге кружим упоённо,
Мы в отчаянии стонем от ран.
И полощут и рвутся знамена
На обломках империй и стран.

Мы стреляем, насилуем, колем,
Мы плюем в мертвецов и калек.
О, доколе, доколе, доколе
Будет рыкать, как зверь, человек?

Что же будет и что же не будет,
Что же души пронзит, как стрела?
Неужель не опомнятся люди
В этом мире страданий и зла?

Виснет горе, как тяжкое бремя,
Шепчут губы в горячем бреду.
Как слепцы, мы блуждаем все время
В этом, созданном нами, аду.

Мы не верим ни черту, ни богу
На кровавом военном пиру.
И никак не находим дорогу,
Столбовую дорогу к добру.

Слаб мой голос – его не услышат
В гуле грозных орудий сейчас.
Я все жду: не раздастся ли свыше
Этот гул заглушающий глас,

Не придет ли судья на планету,
Суд свой грозный и скорый верша...
Я все жду, и в раздумьях поэта
Истомленная плачет душа.

БОЛЬ

Мне страшно жить в моей родной стране,
Где всё святое стало просто прахом,
Где каждый новый день, как на войне,
Наполнен ожиданием и страхом,

Где сеть интриг плетут, как пауки,
Где слухи злыми осами роятся,
Где беспощадно щелкают курки
И люди даже Бога не боятся,

Где предают без совести отцов,
Где верят в силу дьявольских гаданий,
Где царствует безумство подлецов
В бессмысленной жестокости страданий.

МЫ

Не знаем мы все, где середина, где край,
Где счастье: в душе иль в кубышке?
Кто первым сказал, что Земля – это рай,
Ни дна бы ему, ни покрышки.

Нам вороны снова пророчат беду,
Какую: мы только гадаем.
Земля – это ад, мы в кромешном аду
Воюем, творим и страдаем.

Мы делим богов у подножья креста,
Богам мы возносим молитву,
Но с именем Бога и с пеной у рта
Бросаемся в жаркую битву.

Тирану мы честь и хвалу воздаем,
А братьев считаем врагами,
Сгораем и жжем, умираем и бьем,
Жалеем и топчем ногами.

То нищие мы, то калифы на час,
Глумимся над жертвой безвинной.
И падает чье-то проклятье на нас
Опять разъяренной лавиной.

Мы тонем в холодных пучинах морей
И песни об этом слагаем,
Без жалости в жарких печах лагерей
Себе же подобных сжигаем.

Не трогают нас миллионы смертей,
Убийством мы даже гордимся.
Мы в мусор бросаем рожденных детей
И бражничать тут же садимся.

Мы к полюсу рвемся, мы падаем в снег,
Мы газами травим планету.
И ползают тысячи жалких калек
По этому белому свету.

Идем мы на кол, на костер, на иглу,
Потом, осознав быстротечность,
И все испытав, мы уходим во мглу,
Как будто бы в светлую вечность.

Уходим мы в здоровом уме и в бреду,
Но все-таки не понимаем:
Зачем же мы жили в кромешном аду
И Землю не сделали раем.

* * *

Печально смотрят русские святые:
Лишь им дано в печали понимать,
Зачем опять растоптана Россия,
Святая Русь – родная наша мать.
Разруха, нищета и слезы льются,
Народ, как враг, встает на свой народ.
Мы вновь горим в пожарах революций,
И смрад войны над Родиной плывет.
Гуляет зло в домах разбитых ветер.
Глаза убийц надменны и пусты.
На рынках просят милостыню дети,
А в черствых душах мало доброты.
И время смутной непонятной свары
Плодит, как тараканов, подлецов.
Потомки легендарных комиссаров
Торгуют честью дедов и отцов.
Куда уйти нам от стыда и срама,
От тех, что целят, притаясь, в висок,
Что лицемерно молятся во храмах,
А сами рвут последний наш кусок?
Горит звезда и падает с востока,
И озаряет вспышкой окоем.
Мы счастья ждем, но нет, увы, пророка
В истерзанном Отечестве моем.
Печально смотрят русские святые:
Лишь им дано в печали понимать,
Зачем опять истерзана Россия,
Святая Русь – родная наша мать.

ГОРЕ

Мы шепчем: «Господи, спаси!»
И с этой фразою крылатой
Все ходит горе по Руси,
Стуча клюкою суковатой.
Из дома в дом, из края в край
Ведет его клюка сырая.
Оно в России ищет рай,
Да только нет у нищих рая.
В подшалке черном снова мать
На красный гроб слезу роняет.
А наше счастье жизнь опять
Своим несчастьем погоняет.
На задымленный свет зари
Выносят новую икону.
И современные цари
Через обман стремятся к трону.
У наших гор, степей и скал
Размах другой и ширь другая.
И азиатский наш оскал
Лишь нас самих теперь пугает.
Утрет ли завтра слезы мать,
И засияют зори краше?
И перестанет ли стучать
Клюкой о землю горе наше?
Судить эпоху не берусь
Да и пророчить я не вправе.
Но верю: все же встанет Русь
Во всей своей красе и славе!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Рассветною порою по проселку,
Скользя и оступаясь в колену,
Я подхожу к родимому поселку
И свой поселок я не узнаю.

В волнении колотится сердечко:
На родине я не был много лет.
Вот первый лес, вот под горою речка.
Поселок наш, а вроде бы и нет.

Все брошено, разбито, нелюдимо,
Везде навоз, везде растет бурьян,
Как будто по земле моей любимой
Опять прошел с ордою Тамерлан.

На машдворе – ни трактора, ни плуга,
Забор снесен, засохли тополя.
Лишь на ветру, наверно, от испуга
Качается сухая конопля.

Осела, покосилась пилорама.
Совсем отцвел на сельсовете флаг.
Немым укором перед въездом прямо
Стоит давно разграбленный продмаг.

Заброшен, не достроен детский садик,
Все комнатки и спальни пусты,
Кругом мертво, и только на фасаде
Еще горят кирпичные цветы.

На фермах тихо, пусто и уныло:
Здесь ни коров, не телятишек нет –
Все продано, лишь голые стропила
Уставились в разлившийся рассвет.

И словно исстрадавшись от позора,
А, может быть, прося поводырей,
Глядит на все колхозная контора,
Ослепшая без окон и дверей.

У клуба тоже: в скверике помойка,
Два паренька с утра навеселе.
Ах, что ж ты натворила, перестройка,
В моем красивом и большом селе?

Оно богатым было, бедным стапс,
Что собирает крохи у стола.
Разрушила ты все и растоптала,
Но ничего пока не создала.

Под сенью тополей, берез и елок
Живут здесь рядом русский и казах.
Смотрю я с болью на родной поселок,
И ветер сушит слезы на глазах.

АРТИСТЫ

*«Так пойте вы, артисты,
На разные голоса.
Уж так вы голосисты,
Что просто чудеса».*

Федор СОЛОГУБ

Своей сердечной ране
Скажи: «Пошла ты прочь!»
На маленьком экране
Артисты день и ночь,
Хоть всё возьмите, бесы,
Хоть провались весь мир,
На черных «Мерседесах»
Съезжаются на пир.
С шести иль полшестого,
От жизни далеки,
Под музыку Крутого
Взывают мужики.
Сражая и калеча,
Мальчишек рвет война –
На сцене целый вечер
Кривляется «На-на».
Над гробом плачут двое,
Сыночка хороня –
А где-то Линда воет,
Что мало ей огня.
На рынке адской смесью
Взрывается фугас –
Жванецкий с барской спесью
Высмеивает нас.

От голода бескровен
Шахтер едва встает –
Нам, нищим, Якубович
Подачки раздает.
В улыбочках лучистых
Они выходят в свет.
Знать, кроме их, артистов,
Людей в России нет.

БУТЫЛКИ

Завалили Русь мою бутылки:
В них леса, обочины, луга,
Скверы городские и развилки,
И озер красивых берега.

Из-под водки, кока-колы, пива
Их сейчас легко бросают все
То в речушку быструю с обрыва,
То в траву зеленую в росе.

Что ж, у «новых» «новая» и мода.
Только жаль, что пьем мы «из горла»,
Только жаль, что плачет мать-природа
От порезов острого стекла.

* * *

Мы жили всегда впопыхах,
Как пелось, судьбу мы вершили,
Не каялись в наших грехах
И в чем-то бездумно грешили.

Работали, пили вино
И песни задорные пели.
Нам многое было дано,
В нас бурные страсти кипели.

По жизни мы шли наугад,
Палили костры на привале,
Любили веселых девчат
И их горячо целовали.

Могли иногда прихвастнуть
И вздрогнуть могли от испуга,
Зато не могли обмануть
Ни в чем ни подругу, ни друга.

Зато не умели копить,
А просто сорили деньгами,
Зато не могли отступить
При яростной встрече с врагами.

Другие теперь времена,
Теперь и желанья другие.
Но жизнь, как и прежде, одна,
Как прежде, одна, дорогие.

ПРАЗДНИЧНАЯ НОЧЬ В СЕЛЕ

Ночь, как злая царевна,
И при звездах мрачна.
Я иду по деревне,
А вокруг – тишина.

Ни гармошки ни звука,
Ни гуляющих нет:
То ли сон, то ли скука
Одолели весь свет?

Где бы спеть о калине,
Где бы парой пройти –
Даже в праздники ныне
Все сидят взаперти.

А когда-то гармошка
Запевалой была,
От окошка к окошку
За собою вела.

Край мой ночью прекрасен.
Только горестно мне:
Нет ни песен, ни басен
На родной стороне.

Что-то шепчут во мраке
Тополя на горе.
И тоскливо собаки
Воют в чьем-то дворе.

МЫ УХОДИМ

Мы все время в азартной погоне,
Мы в борьбе у лихих переправ:
Сильный выплывет, слабый утонет –
Кто сильнее и злее, тот прав.

Мы в желаньях своих не инертны,
Хочем славы, богатства, утех,
Нам все кажется, что мы бессмертны,
Только смерть за плечами у всех.

Существует примета в народе:
Если в небе сгорает звезда,
Мы из этого мира уходим
И назад не придем никогда.

Кто-то кается, кто-то клянется
Перед вечностью тайны и тьмы,
Но не знаем мы, чем обернется
После нас то, что нажили мы.

Может, хлебом румяным да солью,
Может, песней за дружным столом,
Может, страхом, раздором да болью,
Может, снова наследственным злом.

Только длится и длится погоня
К славе, к деньгам, потом – в никуда.
И несутся без всадников кони,
И горит за звездою звезда.

ТЕЛЕВИЗОР

Телевизор – забава,
Заколдованный круг,
Как наркотик-отрава,
Утешитель и друг.

Белых рук не марая,
Там не жнут, не куют,
Там азартно играют,
Там стреляют и бьют.

Там жуют микрофоны,
Там сидят и лежат.
Там с эстрады мадонны.
Кажут перед и зад.

Там коньяк без закуски,
Там любовь – налегке.
Там ни слова по-русски –
На чужом языке.

Не понять нам порою,
Где там быль, где – вранье.
Восхваляют чужое,
Забывая свое.

Рвут гитары с размаха,
Воют, разум глуша.
И от боли и страха
Обмирает душа.

ПРОХОДЯТ ДНИ

Становятся белее и белее
На выцветших висках за прядью прядь.
Живем, всегда теряя и жалея
О том, что мы сумели потерять.

О старой, но привычной нам, квартире,
О тех, с кем перестали мы дружить.
Скорбим о том, что в этом божьем мире
Живем не так, как мы должны бы жить.

Богатство копим, ищем громкой славы
И ради них других не бережем,
Считаем правыми себя, когда неправы,
И честными тогда, когда мы лжем.

Не выбраться из замкнутого круга:
Порой, не понимая, что творим,
Напрасно обижаем мы друг друга
И нежных слов родным не говорим.

Всегда в заботах непреодолимых,
Как у закрытых на замок дверей,
Не приласкаем мы детей любимых
И не обнимем старых матерей.

Мы не бросаем в ближнего каменья,
Но как-то забываем о простом:
И добрые слова и устремленья
Мы часто оставляем «на потом».

А дни проходят солнечно и звездно.
И все-таки в один тяжелый час
Мы, как всегда, спохватимся, но поздно
И капнут слезы горькие из глаз.

Не осознав, что нам дарован свыше
На белом свете лишь ничтожный миг,
В черновике мы книгу жизни пишем
С надеждой записать на чистовик.

Живем, всегда надеясь на кривую,
И забываем в отведенный срок,
Что начисто ту книгу черновую
Пока никто переписать не смог.

НОВЫМ РЕФОРМАТОРАМ

Я не ругал и злейшего врага,
Не написал ни строчки по заказу,
А вас хотел по-русски отругать
И пристыдить, но передумал сразу.

Не тронут ваших душ мои слова:
В них не найдется похвалы и лести.
Вы начали реформы с воровства,
А у воров нет совести и чести.

БЕСПРИЗОРНЫЕ

*По данным независимых экспертов в России
4 миллиона беспризорных детей.*

Пришла и к нам «желанная свобода»,
А то нас всех держали в кулаке.
На «новых русских» появилась мода
В богатом нашем русском языке.

Одни из них удачливо торгуют,
Имеют импозантный шик и вид,
Другие просто-напросто воруют
Под сенью криминальных пирамид.

В години всероссийского развала
Им что орел двуглавый, что звезда,
Чужое горе трогает их мало.
Но есть другие люди, господа!

Их маленькое сердце гулко бьется,
И горький плач срывается с их губ
На дне глухих, загаженных колодцев,
На ржавчине теплопроводных труб.

Набросившись, как хищные шакалы,
На нашу Русь, что встала на дыбы,
Вы их загнали в норы и подвалы
И бросили на произвол судьбы.

Вы нежитесь под солнцем на Гавайях,
Вы пьете на Багамских островах,
Они же просят рублики в трамваях
И от побоев прячутся во рвах.

У всех у вас роскошные дома
И дети на учебе за границей,
А этих, беспризорных, ждет тюрьма,
Болезнь и смерть в зашарпанной больнице.

Забытым словом их зовут - шпана,
Они воруют, шарят по карманам.
Их пропила, их продала страна
Насильникам, ворам и наркоманам.

Они живут, в добро людей не веря,
Во зле по нашей милости живут.
Поверьте: это будущие звери,
Что, повзрослев, нас на куски порвут.

Костлявые, немые тела,
Давно хрипят простуженные груди.
Но мимо горя детского и зла
Сейчас проходят равнодушно люди.

О, Господи! Их больно видеть мне.
И червь обиды снова сердце гложет:
Позор всем нам, позор такой стране,
Что убересть своих детей не может!

КУДА ИДЕМ?

Куда идем?
Куда нас всех ведут,
Как на цепи послушную собаку,
На чей оборонительный редут
В последнюю смертельную атаку?
Не трогает нас детская слеза,
Кровавый труп не вызывает дрожи.
Огонь тщеславья нам слепит глаза,
И сами на незрячих мы похожи.
С холодным равнодушьем подлецов
И с глупой неоправданной гордыней
Мы затоптали прах своих отцов,
А прах царей сочли своей святыней.
К химерам, возведенным на песке,
Сквозь чад многосерийного дурмана
Ведут нас на коротком поводке
Бессовестного, наглого обмана.
И не дойдет до наших твердых лбов,
Что сталкивая нас друг с другом лбами,
Потомки, цепи сбросивших рабов,
Мечтают в наши дни владеть рабами.

ГОРИТ ДУША

Все потерялось, все переменялось
В моей стране в один злосчастный час:
Святое, что в душе у нас хранилось,
Уж не имеет святости сейчас.

Нас привлекают слава и богатство,
За них друг друга мы готовы съесть.
Ушли из жизни Равенство и Братство,
И заблудилась где-то наша Честь.

В проломах пыльных, разбомбленных зданий,
Давным-давно мертва живая плоть.
И острым жалом боль чужих страданий
Пустых сердец не может уколоть.

В них нет сейчас приюта и привета,
Одна боязнь, как в самом страшном сне.
И потому с заката до рассвета
Горит душа на медленном огне.

АЛЛЕГОРИЯ

Как вода из открытого крана,
Непременно с утра дотемна
Льется кровь с голубого экрана,
Льется красным потоком она.

Эту кровь проливают кумиры,
Режиссеры убийств и смертей,
В наши комнаты, в наши квартиры
И на нас, и на наших детей.

И всё больше её с каждым часом
В новых, ложью отравленных, днях:
Ходим мы по кровавым паласам,
На кровавых лежим простынях.

Обделенные Богом любовью,
Сознавая, что мир нелюдим,
Дышим воздухом, пахнувшим кровью,
И кровавую пищу едим.

Мы бездушны, грубы и жестоки,
Мы похожи на диких зверей.
Нас несет в этом страшном потоке
К мрачным безднам кровавых морей.

Нам от крови уйти не по силам:
Знать, и в наших телах без конца
Кровь холодную гонят по жилам
Ледяные от яда сердца.

УДАВ

*«Россия, Русь! Храни себя, храни!»
Николай Рубцов*

Разорвана сегодня на куски
Великая, могучая держава.
И медленно сжимаются тиски
Коварного и хитрого удава.

Врагами стали прежние друзья,
Союзники кусают, как собаки.
И рушит мир надменная змея
Сначала в Косово, теперь уже в Ираке.

Удав свивает за кольцом кольцо,
У наших у границ, с Россией рядом.
И дышит в наше чистое лицо
Своим змеиным, смертоносным смрадом.

А этот смрад, как неотвязный смог,
Разносится по морю и по суше,
Он проникает через наш порог
И незаметно отравляет души.

Но устоят ли души перед ним,
Дождутся ли державного мессию?
Когда мы душ своих не сохраним,
Не сохраним и Матушку-Россию.

БОЯЗНЬ

«... Как страшно в былое свое оглянуться».

Андрей Дементьев.

Сквозь разноцветный бархат революции,
Что напоил свободой допьяна,
Не страшно мне в былое оглянуться,
Когда была единою страна.
Я не скажу, что мы богаче жили,
Что жили, друг на друга не ропща,
Но мы тогда народами дружили
И боль обид умели мы прощать.
Помои друг на друга мы не лили,
Не рушили соседских очагов.
Жаль, что страну такую развалили
При глупой власти происки врагов.
Они стоят вокруг с улыбкой друга,
Но тянут руки к нашему рулю,
Чтоб затянуть решительно и туго
На нашей шее мертвую петлю.
Шелка снегов и зорь весенних ясность,
Простор полей – Россия, наша мать,
Грозит тебе смертельная опасность,
И это каждый должен понимать.
Все ближе подступает время злое.
Будь начеку, моя родная Русь!
Не страшно оглянуться мне в былое,
Я в будущее посмотреть боюсь.

ПТИЦА ВРЕМЕНИ

Птица времени в небе кружит,
Дни и ночи кружит, дни и ночи.
И заметно становится жизнь
С каждым прожитым днем все короче.
На нелегких дорогах земных,
Что пройти нам с трудом удастся,
Остается все меньше родных
И все меньше друзей остается.
Вот и снова приходит весна,
Теплым ветром толкая с разбега,
Только жаль, что не смоеет она
Боль души ручейками из снега.
Все смиреннее сумрак ночей,
И чуть свет поднимают с постели
Хрипловатые крики грачей
Да скворцов залихватские трели.
Я улыбкой встречаю весну –
Пойте песни, заморские гости!
И родных, и друзей помяну
Я в родительский день на погосте.
Птица времени в небе кружит
И кружить будет, вольная, вечно.
На земле продолжается жизнь,
Потому что она бесконечна.

НОВЫЕ РОСТКИ

Плывет Земля, похожая на шар,
В космической системе эволюций,
Но пламенные вспышки революций
Весь хлам земной сжигают, как пожар.

Пусть нелегка житейская стезя,
Но мы живем с надеждою и верой:
Сейчас, в такой действительности серой
Без веры и надежды жить нельзя.

Мы веруем в прекрасную мечту,
Что страх и ложь исчезнут безвозвратно,
Мы с совести сотрем дурные пятна
И всей душой любим красоту,

Восславим жизнь и крепость братских уз,
Забудем про военные кошмары,
И сплавят нас всесильные пожары
В единый человеческий союз.

И зашумят рабочие станки,
И мир найдет приют во всех жилищах,
И светлой жизни первые ростки
Взойдут на посеревших пепелищах.

*Постойте молча Вы у обелиска,
Не так, как перед глыбою литой.
А снова поклонитесь низко-низко
Их незабвенной памяти святой.*

**ПОКЛОНИМСЯ...
И НЕ ЗАБУДЕМ...**

НАСТУПИТ ДЕНЬ

Наступит день: в смятении нежданном
Замрут сердца у всех людей страны –
Простимся мы с последним ветераном
Невиданной в истории войны.

Они живут пока что с нами рядом,
От испытаний немощны, седы,
Они горды зеленым дачным садом
И мало-мальской пенсией горды.

Но горько им, прославленным солдатам,
Чью молодость в огне сожгла война,
Что только по большим военным датам
Их вспоминает милая страна.

Их годы, раны и болезни косят,
Как острый серп июльские цветы.
И незаметно ангелы уносят
Святые души в темень высоты.

Жизнь на земле короткая такая,
Её никак не назовешь игрой.
И в сердце боль меня не отпускает:
Уйдет от нас последний наш герой.

Нет всенародной памяти святее,
Пусть будут наши помыслы чисты,
Когда в слезах земля осиротеет,
И вздрогнет мир от страшной пустоты.

Не хочется с таким концом мириться,
Не хочется слезой туманить взгляд,
Пока поют в лесах российских птицы,
Пока березы русские шумят.

Но смерть найдет последнего солдата,
Ему её никак не обмануть.
И мы тройным салютом автоматов
Проводим все его в последний путь.

Но чтоб мы вечно память сохранили,
О тех, кем славна русская земля,
Хочу я, чтоб его похоронили
В Москве, у стен спасенного Кремля.

ДЕНЬ И ЖИЗНЬ

Степенно скрылся день за горизонтом:
Запахло с буераков коноплей,
И свод небес большим дырявым зонтом
Навис над вечерющей землей.
Как белые извилистые струи,
Плывут над головою облака.
И в этот миг душа моя горюет,
Что жизнь, как день, тепла и... коротка.

МОИ ВЕТЕРАНЫ

Сидят передо мной седые люди –
Мы посадили их на первый ряд.
Увешаны наградами их груди,
И взгляды светом радости горят.

Они сидят, забыв свою усталость,
Свои болезни после бурь и гроз.
И вижу я, как мало их осталось,
И не могу сдержать невольных слез.

Они ушли из дома молодыми
И шли к своей свободе до конца
Сквозь боль и кровь, в огне и смрадном дыме,
Сквозь гром и град военного свинца.

Была дорога страшно трудной, длинной,
Полит был кровью русской каждый шаг
От стен Москвы до самого Берлина,
Где был повержен ненавистный враг.

Когда в боях иссякла вражья сила,
И отравился страшный гений зла,
Тогда Победа их благословила
На мирный труд, на добрые дела.

Замолкли орудийные раскаты,
На рельсах отстучали поезда,
Домой вернулись русские солдаты,
Чтоб хлеб растить и строить города.

Их труд во всем: в огне кипящих домен,
В шипенье скважин, в шуме кораблей,
В огнях поселков, тьме каменоломен
И в необъятном шелесте полей.

Они у нас, потомков, заслужили
Делами уважение и любовь,
Они всю жизнь с великой верой жили,
Что не напрасно проливали кровь.

А в том, что ныне стало с гордой Русью,
Не стариков позорная вина.
И в городах, и даже в захолустье
Их до сих пор находят ордена.

Сложили деды руки на коленях,
Сидят, сухие пальцы теребя,
А я стихи читаю им со сцены
И виноватым чувствую себя.

Я требовать сейчас имею право,
Чтоб помнил мир об этих стариках,
Чтоб не померкла воинская слава
На всей Руси в народах и в веках.

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

*“На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?”
Владимир ВЫСОЦКИЙ*

Сколько могил на просторах страны?
Нет достоверного списка.
Спят здесь герои гражданской войны,
Спят под стрелой обелиска.
Нет им цветов, да и надписи нет –
Сорвана в темные ночи.
А под землей Революции цвет:
Дети крестьян и рабочих,
Дети чиновников, дети дворян.
Сколько их: сто или двести?
Были убиты, погибли от ран
И похоронены вместе.
А под землей их мечты и любовь,
Жажда народной свободы.
Красная Гвардия – Красная кровь,
Трудные, горькие годы.
Ненависть, горечь, обида и злость,
Резкая боль поражений.
Белая Гвардия – белая кость,
В пламени долгих сражений.
Там, где свои хороводы ведут
Звезд золотых вереницы,
Ждут они все, что потомки придут
Им до земли поклониться.

Белые, Красные – дети Земли:
Всех Царь небесный рассудит.
Нам-то зачем их сегодня делить?
Все они русские люди.
Каждый был прав и был каждый не прав,
Нам их делить неуместно.
Спят они в шелковом шелесте трав,
Долг свой, исполнивши честно.
Кто-то в Париже нашел свой покров,
Кто-то на сельском погосте,
Только у всех была красная кровь,
Белыми были их кости.
На обелиске из жести звезда,
Травка на холмике тесном.
Спите, герои и будьте всегда
Чтимыми в царстве небесном.
Что вам теперь человеческий суд,
Если лежите вы вместе?
Верится мне: вас потомки поймут
И воздадут вам по чести.

У ОБЕЛИСКА

*«Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот.»*

А.С. Пушкин

Над обелиском в час заката
Звезда врезается в зарю.
Я, сын погибшего солдата,
Тебе с тревогой говорю,

Мой безответный россиянин,
Во всем утративший права,
Что не в твоём, во вражьем стане
Звучат победные слова.

На Украине внук Бандеры,
Над правдой истинной глумясь,
Тебя везде срамит без меры,
Тебе в лицо бросает грязь.

По-братски принятый тобою,
Прикрытый русичей щитом,
Тебе грузин грозит войною,
Победоносною притом.

Всегда по складу наготове
В ораве слабых попинать,
Тебя старается литовец
В Литве унижить и прогнать.

Хуля твоих родных и близких,
В своей столице, не в глуши,
В мундирах, в свастиках фашистских
Идут открыто латыши.

Ужель душа твоя не стонет,
Не протестует от того,
Что осквернил вчера эстонец
Могилу деда твоего?

И наша власть играет в труса.
Она другой избрала путь,
Стараясь брата – белоруса
Как можно дальше оттолкнуть.

Зло принимая равнодушно,
Она бездарна и слаба.
А что же ты молчишь послушно
С тупой покорностью раба?

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Лежат в земле прославленные деды,
Что одолели вражескую тьму.
Придите к обелиску в День Победы
И низко поклонитесь вы ему.

Пусть от удобных кресел и диванов
Вас уведет небесная звезда.
Не любит Бог непомнящих Иванов
И не простит забвенья никогда.

Побудьте там весеннею порою,
Вглядитесь в список тех имен и дат
И помяните вы своих героев,
Отцов и дедов – умерших солдат.

Постойте молча вы у обелиска,
Не так, как перед глыбою литой.
А снова поклонитесь низко-низко
Их незабвенной памяти святой.

Растают в вашем добром сердце льдинки,
И вырвется невольный тихий стон,
И упадут прозрачные слезинки
На серый отшлифованный бетон.

Соприкоснитесь с прошлым в настоящем,
Все надписи прочтите, не спеша.
И вас своим крылом животворящим
Коснется их бессмертная душа.

КТО МЫ?

«Вчера организация ПАСЕ осудила коммунистический режим наравне с фашистским».

«Время»

Шквал очернительства не стих:
Мы, жизнь марая черной мазью,
Забыли прадедов своих,
Смешали дедов с мерзкой грязью.

С тупым бесстрашьем подлецов
Мы гласу разума не вняли,
Что наших доблестных отцов
Вчера к фашистам приравняли.

Лишили славы, чести, прав
Гуртом ревнителю свободы
Всех тех, кто смертью смерть поправ,
Спас европейские народы.

Мы, как один не поднялись
С достойным русичей ответом,
Мы спать спокойно улеглись,
Когда сказали нам об этом.

Мы – жалкие потомки тех,
Кто в жизни был подобен стали,
В миру довольства и утех
Не знаем сами, кем мы стали.

ВСЁ ТО ЖЕ

На крыльях радужных мечтаний
Я улетаю в любимый край,
Там после долгих лет скитаний
Мне рисовался сельский рай,
Где жизнь богата и красива,
Где не мешают дрязги ей,
Где земляки живут счастливо
В патриархальности своей,
Где нивы нежно гладит ветер,
Где благороден сельский труд,
Где солнцу радуются дети
И песни добрые поют,
Где слово русское: - "Здорово!"
По мне сердечней слов других...
Но как я был разочарован
В местах, навеки дорогих!
Наверно, будь я помоложе,
Не так бы стало больно мне:
Здесь та же бедность и всё то же,
Что и по всей большой стране.
Смиреньем сердце пеленаю,
Гоню я злые мысли прочь:
Земля отцов, земля родная,
Стараюсь я тебе помочь
И бережливыми руками,
И чистотой душевных слов,
В которых боль моя и память,
И безграничная любовь.

СОЛДАТКИ

Через грозные годы войны
Шли бойцы по дорогам сожженным.
А в тылу подрастали сыны
И старели от горести жены.
Похоронок солдатских листки
Холодны, бессердечны и кратки.
Запыленные бабьи платки
Обливали слезами солдатки.
И несли свои слезы в народ,
И стирали их дымчатой синью.
Горе вдов, матерей и сирот,
Как броня, прикрывало Россию.
Черствым хлебом глотая тоску,
Миллионы солдаток суровых
Молотили снопы на току,
Выезжали пахать на коровах.
Жили тихо, без лишних затей,
О любимых скорбя втихомолку,
Одевали в обноски детей,
Провожая в начальную школу.
Счет вели отвоеванным дням,
Проходившим с ленивостью рачьей,
Помогали далеким мужьям
И трудом, и любовью горячей.
До темна не сходили с полей,
И в жару, и в мороз, и в ненастье,
Чтобы жизнь сохранить на земле
И святую надежду на счастье.

ХУЛИТЕЛИ

Перечеркнуто небо следами
Самолетов, летящих с востока.
Перечеркнута светлая память,
Перечеркнута зло и жестоко.

Позабыты борцы и герои,
Жизнью всей заслужившие славу,
Те, кто в битвах сражался и строил,
Те, кто грудью стоял за державу.

Видим мы, как летят комья грязи
Преднамеренно, подло и грубо,
В тех, кто вывел из грязи да в князи
Всех, погрязших во лжи, грязелюбов.

А они льют помои открыто
На людей, что легендами стали,
Восхваляя воров и бандитов,
Что и славу, и честь промотали.

Ни единого доброго слова
Об успехах, что связаны с прошлым...
Жизнь в своих проявлениях сурова,
Но нельзя ж быть бесчестным и пошлым.

БЕЗЫМЯННЫЕ

*4 декабря 2000 года в Москве хоронили
неопознанных солдат, погибших в Чечне.*

Рыдают военные трубы,
Мелодию скорбную ткут.
Молчат онемевшие губы,
И горькие слезы текут.
Застывшая Родина слышит
Последний прощальный сигнал
Для сотен российских мальчишек,
Которых никто не узнал.
И в будущем их не узнают -
Глубокая яма темна -
Ни бедная мама родная,
Ни бедная наша страна.
За что же они воевали,
За что же сражался любой,
Тогда, когда их узнавали,
Когда посылали их в бой?
Теперь у могилок зарытых
Без надписей грустных и дат
На маленьких каменных плитах
Слова: Неизвестный солдат.
Рыдают военные трубы,
Мелодию скорбную ткут.
Молчат онемевшие губы,
И горькие слезы текут.

ПАВШИМ ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА

В беззаконии, в страшном развале
Со страниц и с экранов кино
Опозорили вас, оплевали,
За Россию погибших давно.

Иль от радости, или от злости
Эта неофашистская мразь
Перемыла вам белые кости
И втоптала в зловонную грязь.

Вы не думали, вы не гадали,
Что без вас распадется страна,
Что начнут продаваться медали,
Для коллекций пойдут ордена.

Стала память людская короче:
Опорочена ценность наград.
Все забыли: и брестские ночи,
И в блокадном кольце Ленинград.

Над страну года пролетают.
И, о прошлом теперь говоря,
Ваши внуки нередко считают,
Что тогда воевали вы зря.

Там, где мать безутешно рыдала,
Где цветок вашей кровью полит,
Темной ночью срывают вандалы
Звезды медные с мраморных плит.

Все забыли и все измарали
В одуряющем звоне монет:
Нет ни совести, нет ни морали
И почтения к прошлому нет.

Но и в этой вселенской хворобе
Вашу вечную славу хранит
Перевернутый мрамор надгробий
И холодный могильный гранит.

Все равно вы не канете в небыль,
Хоть и стали пучком ковыля.
Да восславят вас в вечности небо
И любимая вами земля!

ГУЛЯНКА

Сколько в жизни было дней суровых,
Сколько было горьких дней в судьбе...
Я запомнил, как гуляли вдовы,
Собираясь в чьей-нибудь избе.

Прел на печке чугунок картошки,
А картошка в кольца пар вила.
И от пара плакали окошки,
Глядя в ночь на улицу села.

Доставали бабы по чекушке,
С бедною закуской узелки,
Наливали помаленьку в кружки -
И как будто не было тоски,

Не было войны с ее слезами
И ночей холодных без утех.
И светлели женщины глазами,
И звучал веселый женский смех.

За столом солдатки забывали
Про войну, как про кошмарный сон,
Пели песни, даже танцевали
Под шипучий старый патефон.

А потом вдруг прорывался кто-то
Через женский неумолчный гам:
- Хватит, бабы! Завтра на работу.
Расходиться надо по домам.

И надев свои фуфайки снова
В чьей-нибудь натопленной избе,
Уходили пьяненькие вдовы
Тихо в одиночество к себе.

Их следы терялись на дорожках:
По селу поземку ветер нес.
И цвели цветами на окошках
Капельки замерзших ночью слез.

ХАТЫНЬ

Звонят колокола Хатыни
Над пеплом, спрятанным в бетон.
И кровь невольню в жилах стынет,
Когда я слышу этот звон.

Как тихий стон, как вздох прощальный,
Как взвездные голоса,
Плывет над миром звук печальный
И уплывает в небеса.

Мне больно звон протяжный слушать
Над местом казней и смертей.
То плачут в сером камне души
Сожженных женщин и детей.

КОСТЫЛЬ

Лето выдалось ветреным, теплым
И гоняло над пашнями пыль.
Подарил мне костыль дядя Степа,
Настоящий военный костыль.

Дядя Степа был бледным и слабым:
Отнял ногу хирург полевой.
Но судачили с завистью бабы:
- Без ноги, инвалид, но живой!

Дяде Степе из чурки култышку
Вскоре вытесал дедка Еким.
Ну, а я всем друзьям-ребятишкам
Долго хвастал подарком таким.

Никуда тот костыль не годился,
Не любили его пацаны.
Только я, несмышлениш, гордился
Этим горьким подарком войны.

НА ХОЛМЕ

Мне встретился холм:
Обелиск на вершине
С облезлой звездой и травой у подножья.
Орлиный простор, и ковыльный, и синий,
И маленький холм посреди бездорожья.
Смотрел я с холма на широкие степи
И слушал, как в медленных лентах тумана
Звучал над округою ласковый лепет,
Неясный, как тайна, волнующий странно.
Как будто молились далекому Богу,
Камыш и трава, и белесые клубы...
Давно над степями отпели тревогу
Серебряным горлом военные трубы.
Безлюдная глушь. Тишина-то какая!
Но помнит земля ту далекую битву.
И шепот зеленой травы не смолкает,
Что в сонной степи так похож на молитву.

ВСТРЕЧА

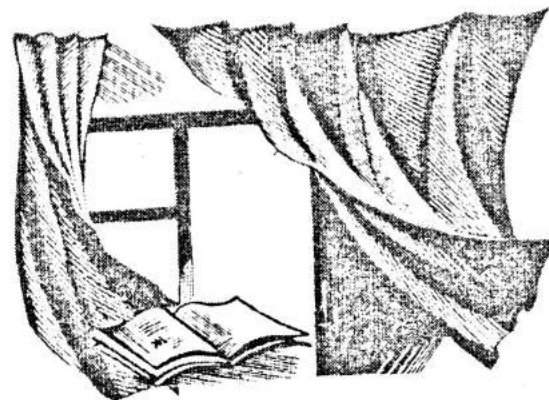
Прощальным вздохом солнечного лета
Осенний лист срывается с ольхи.
Костер в лицо бросает блики света,
И слышит ночь красивые стихи.

Читаем мы о близком и любимом,
О доблести, о вечной красоте.
Звучат слова и вместе с легким дымом,
Как искры, исчезают в темноте.

В своих делах и помыслах простые.
Мы пьем вино и смотрим на огонь,
И задушевно песню о России
Поём кружком под старую гармонь.

Но в час, когда игривых листьев заметь
Ковром шумливым устилает путь,
Мы расстаемся с мокрыми глазами,
Чтоб вновь собраться здесь когда-нибудь.

Бываю ли счастливым я?
Признаюсь искренне: бываю.
Тогда о бедах забываю,
Когда со мной мои друзья.

**О ДРУЗЬЯХ-
ТОВАРИЩАХ**

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Ивану Ягану

«Все певцы – соловьи голубого престола, и с ними
Кто сравнится, скажи? Нет, они несравнимы с другими!»

Низами

Я вас люблю, друзья мои,
За то, что вы всегда в полете,
И песни чудные поете,
России милой соловьи.
Меня нельзя толкать к огню,
Могу я вспыхнуть, словно порох,
Я вас, друзья мои, ценю
За ум и честность в разговорах,
За ваши добрые дела,
За то, что вы всегда радивы,
И что не держите вы зла,
Когда слова мои правдивы.
За звонкий смех люблю я вас,
За верность избранной работе,
За то, что в самый трудный час
Ко мне на помощь вы придете.
И пусть живем мы небогато,
Нет без стихов у нас ни дня.
Я вас за то люблю, ребята,
За что вы любите меня.

ФАКЕЛ И МОЛНИЯ

Владимиру Усманову

Шли мы ночью тропкою раскисшей,
По мужски непогоду кляня,
Чтоб укрыться от бури под крышей,
Чтобы руки погреть у огня.
Ночь ненастная с яростной силой
Нас хлестала, слепила глаза.
И берестяной факел гасила
Нескончаемым ливнем гроза.
Он шипел, он копил то и дело,
Он, сырой, не светил ни черта.
А тайга неумолчно гудела,
И давила весь мир темнота.
Мы отчаялись, мы ослабели,
Так держал нас в объятиях лес.
Вдруг на мокрые старые ели
Стрелы молний упали с небес.
И тогда под дождем и под градом,
Спотыкаясь о кочки и пни,
Мы дорогу увидели рядом,
А затем и поселка огни.
Продираясь тайгою во мраке,
Мы усвоили истину впрямь:
Чем коптить, как берестяной факел,
Лучше молнией белой сгореть.
Пусть мгновения жизни недолги,
Лишь бы огненной вспышки лучи
Указали сквозь бурю дорогу
Тем, кто блудит в холодной ночи.

ЗЕМЛЯКАМ

Не в стороне чужой и дальней,
Где счастье долго я искал,
За наш народ многострадальный
Я поднимаю свой бокал,

А здесь, где старенькие клены
Стоят на улицах сквозных,
Где сердце радуют поклоны
Моих знакомых и родных.

Не избалованные лестью,
Всегда в заботах и в труде,
Они своей крестьянской честью
Не поступаются нигде.

Не чужды им ни боль, ни радость,
Они у праздничных столов
Все ценят умных песен сладость
И доброту отцовских слов.

Крепка их связь со всем народом,
Их след уходит в глубь веков.
И счастлив я, что с новым годом
Могу поздравить земляков.

МОЯ ДОРОГА

Метет метель над милой стороною,
В лесах, в полях свирепствует она,
Она гудит и плачет надо мною,
Но мне метель седая не страшна.

Я в жизни проторил свою дорогу
И по дороге избранной иду,
В своей душе подвластный только Богу,
В своих делах - всеильному труду.

Я не пророк, не капитан бессрочный,
Приставленный к потертому рулю,
Весь этот мир, прекрасный и порочный,
Я, как и все живущие, люблю.

В бездушных завываниях метели
Я людям чувства светлые несусь,
Чтоб и они увидеть захотели
Его неповторимую красу.

ОТКРЫТОСТЬ

Владимиру Охохонину

Открыта для друзей душа моя:
Вы можете войти в неё без стука,
Когда неумолимая разлука
Вас приведет в родимые края.
Открыта для друзей душа моя:
Она вам всем давным – давно знакома,
Вы все побыть в ней можете, как дома,
Вас в час любой душевно встречу я.
Открыта для друзей душа моя:
Вы можете в ней посидеть на лавке,
Вы можете в ней полежать на травке
И в тишине послушать соловья.
Открыта для друзей душа моя:
Ведёт к ней незаросшая дорожка.
Я жду вас с нетерпением у окошка
Ни радости, ни горя не тая.
Открыта для друзей душа моя:
Нет никогда вокруг неё забора,
Вы знаете о том, что без укора
Вас встретит наша дружная семья.
Вы можете прийти ко мне, друзья,
В дни радости, надежды и печали,
В конце пути или в его начале.
Она в моих стихах – душа моя.

* * *

Светлой памяти друга Юрия Колудея

За стеной о ставни бьется вьюга
И стучит снежинками в окно.
Я сегодня вспоминаю друга,
Нет со мной которого давно.
Он любил рыбалку и охоту,
Ширь степей, седую глушь лесов
И за дичью лазать по болоту
Был с утра до вечера готов.
Не умел он трудностей бояться,
Говорил, что жизнь всего одна,
Пошутить любил и посмеяться,
И попить в компании вина.
Был он мне всегда, как старший братка,
Мог ругнуть по-русски сгоряча.
Согревала нас одна палатка,
Освещала нас одна свеча.
Нас дожди осенние хлестали,
Нас сушили жаркие костры.
Ах, как гулко гуси гоготали,
Пролетев кормиться на бугры!
Много лет уж нет со мною друга,
Опустел состарившийся дом.
И стучит о стену снегом вьюга
И качает ставни за окном.

ТОПОЛЬ

Геннадию Устюжанину

Из тучи ночь поплакала на травы,
Но ясный день разведрился с утра.
В моем дворе просторном тополь бравый
На землю сыплет капли серебра.

Он подпирает небо голубое,
Где вольно гордым соколам кружить.
Мой старый друг, я дорожу тобою,
И ты умеешь дружбой дорожить.

Тебя не сдвинет с места буйный ветер,
Ты крепкий парень и не ротозей.
У нас с тобой на этом белом свете
Немного добрых искренних друзей.

Друзей, до удивленья бескорыстных
И преданных сегодня, как вчера,
В сердцах которых, непритворно чистых,
Не угасает огонек добра.

И ты такой, мой друг незаменимый,
Шумливый сторож, стерегущий сад.
Я – по натуре чувственно ранимый,
К тебе щекой своей прижаться рад.

Рад вместе встретить золотые зори,
Присесть к тебе на узкую скамью
И в обоюдно тайном разговоре
Тебе поведать думушку мою.

Ещё не всё задуманное спето,
Ещё душевна исповедь пера.
И на шальную голову поэта
Ты вновь роняешь капли серебра.

ДРУЗЬЯ

Бываю ли счастливым я?
Признаюсь искренне: бываю.
Тогда о бедах забываю,
Когда со мной мои друзья.
Тогда моя душа молчит,
А не кипит в слепом накале,
Вино огнем горит в бокале,
И песня русская звучит.
И от игристого вина,
От шуток, сказанных достойно,
Душа, как в юности, спокойна
И чистых помыслов полна.

ВАСИЛИЮ ЮРОВСКИХ

Как ракеты, стоят обелиски,
И раскинули крылья кресты.
Суждено нам оплакивать близких
До конца средь мирской суеты.
Не вернешь дорогих, не поднимешь.
И мы в самые горькие дни
Безутешно рыдаем над ними,
Когда нас покидают они.
Потерял ты любимого сына:
Грудь отцовского горя полна,
И тайком у сыновьей картины
Вытирает слезинки жена.
Никакой не измеряешь мерой
То, что все мы теряем, любя.
Пусть же время Надеждой и Верой
Успокоит в страданиях тебя.
Догорят под иконами свечи,
И развеется дым голубой,
И вздохнет потухающий вечер
В скорбной комнате вместе с тобой.
И ответят на вздох тот печальный
Над покатостью крыш облака,
Старый бор за поскотиной дальней
И в тумане Крутишка – река.
Суждено нам оплакивать близких
До конца средь мирской суеты.
Рвутся в синий простор обелиски,
И парят, словно птицы, кресты.

* * *

Безутешно душа тосковала,
Цепкой хваткой держала беда.
И не радовали, как бывало,
Твое сердце ни лес, ни вода.

Уходила мужицкая сила,
Что тебя от всех бед берегла.
А душа лишь покоя просила
И навеки покой обрела.

Ты за сыном ушел, друг наш милый,
Нам оставив заветы свои.
Пусть поют над твоею могилой
С каждой новой весной соловьи.

Пусть твой сон охраняют березы
У любимой земли на груди,
И холодные чистые слезы
На могилу роняют дожди.

Много верст ты прошел по дорогам,
По лесам, по лугам, по степи.
Жил ты в полном согласии с Богом
И в таком же согласии спи.

СОЛНЫШКО

Виктору Потанину

Встань пораньше, друг ты мой,
Выйди на крыльцо,
Солнышку весеннему
Ты подставь лицо.
Воздух свеж, и дышится
После сна легко,
А с крыльца высокого
Видно далеко.
И тогда увидишь ты,
Мой любезный друг,
Как целует солнышко
Изумрудный луг,
Как ласкает солнышко
Сосны вдалеке,
Как оно купается
В розовой реке.
Было грустно вечером,
Было что-то жаль,
Но развеет солнышко
Всю твою печаль,
Животворным лучиком
Брызнет с высоты,
И улыбкой радостной
Улыбнешься ты.

ПАСТУХИ

Сидим у жаркого костра,
А ночь тепла, тиха.
И в переливах серебра
Виски у пастуха.
Он от огня отводит взгляд:
- Послушай, что скажу.
Вот ты по свету ходишь, брат,
И я, как ты, хожу.
Ты ищешь точные слова
Для песен и стихов,
А я - где сочная трава,
Чтоб накормить коров.
Я на лугах пасу Пеструх,
А ты пасешь стихи.
И я - пастух, и ты - пастух,
Мы оба - пастухи.
Без пищи мускулы пусты,
Без песен - жизнь моя.
Я беден, беден так же ты,
Ты беден, беден я.
Я так сужу: нас белый свет
Связал одной судьбой:
И ты - поэт, и я - поэт,
Поэты мы с тобой.»
Сидим у жаркого костра,
А ночь тепла, тиха.
И в переливах серебра
Виски у пастуха.

ТРОЙКА - РУСЬ

Владимиру Усманову

*«Не так ли и ты, Русь, что бойкая,
необгонимая тройка, несешься?»*

Николай ГОГОЛЬ

Стою над бездною веков.
И на уступах эфемерных
Я слышу гулкий стук подков
В просторах, истинно безмерных.

Куда несешься, ТРОЙКА-РУСЬ,
В какие дали роковые
Сквозь мор и глад, сквозь боль и грусть,
Сквозь катаклизмы мировые?

Куда летишь на крыльях лет
В потоке дерзостных свершений,
Во славе радостных побед,
В позоре страшных разрушений?

Дымится путь, гремят мосты,
Что на земле, летит все мимо,
Все отстает, и только ты
Спешишь вперед неудержимо.

Нет проторенной колеи,
Тебя швыряет, как попало.
И ждут все недруги твои,
Чтоб ты споткнулась и упала,

Чтоб не смогла ты, Русь, скакать,
Чтобы в звериной перебранке
Они сумели растаскать
Твои кровавые останки.

Но и в лесах, где льется дождь,
В пустынях, мучаясь от жажды,
Я ВЕРЮ: ТЫ НЕ УПАДЕШЬ,
Пусть и споткнешься не однажды.

Не прекратится вечный бег
В священном колокольном звоне.
И восхитится человек:
- «ЭХ КОНИ, КОНИ, ЧТО ЗА КОНИ!»

* * *

Хожу всю жизнь по лезвию ножа
Порою смело, а порою трушу,
Но не хочу, чтобы проникла в душу,
Как страшный яд, безжалостная ржа.

То плачу я, то весело пою,
И этого я от людей не скрою.
А счастлив тем, что падает порою
Небесный свет на голову мою.

НЕ ОТРЕКАЮСЬ

Не отрекаюсь от того,
Что было близким и любимым,
Что улетело сладким дымом,
И не вернуть назад его.

Не отрекаюсь я ничуть
От тех людей, что шли со мною,
С моей великою страной,
Преодолев нелегкий путь.

Не отрекаюсь от друзей,
С которыми давно расстался,
Я верен памяти остался,
А память сдать нельзя в музей.

Не отрекаюсь от девчат,
Которых я любил когда-то.
Пусть ноет сердце виновато,
А чувства давние молчат.

Не отрекаюсь от родных:
Мне лишь добро они давали,
Они трудились, воевали
На милых пажитях земных.

Не отрекаюсь от жены:
Делил я с нею все лишенья,
Хоть и манили искушенья,
Друг другу были мы верны.

Не отрекаюсь от детей:
В них наша кровь, надежды наши,
Дороже нет и нет их краше,
Скажу я просто, без затей.

Не отрекаюсь от стихов:
От строчек гневных, строчек дивных,
От строчек слабых и наивных.
И ото всех моих грехов.

Не отрекусь нигде вовек
От мыслей, важных и ничтожных,
От всех желаний невозможных,
Каким подвластен человек.

Не отрекусь я никогда
Ото всего, что в жизни было,
Что сердце нежное любило
И ненавидело всегда.

О громкой славе не пекусь -
Быть на виду и жить богато -
И от того, что сердцу свято,
Я до конца не отрекусь.

ИВАНУ ЯГАНУ

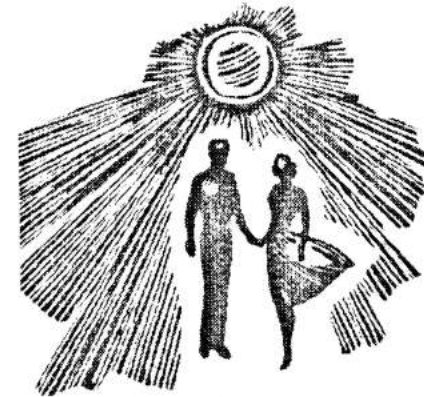
Страницы умных книг читаю
Запоем – хлебом не корми:
Как ты богата, Русь святая,
Незаурядными людьми!
Я вам, друзья, замечу кстати,
Что средь прославивших Курган
Есть журналист, поэт, писатель,
Есть Иван Павлович Яган.
Сорокалетним, сильным, тертым
С благословеньем высших муз,
Пришел он в семьдесят четвертом,
Чтобы возглавить наш союз.
В то время кратки были речи:
Летела жизнь на всех парах.
Я вспоминаю наши встречи
На семинарах, вечерах.
Тогда мы часто собирались –
Тесна курганская земля –
Помочь друг другу мы старались,
И критикуя, и хваля.
И я сказать Ивану вправе:
- Тебе дарю я сердца жар,
За то, что ты меня отправил
Тогда на пермский семинар.
Ты прямо шел, не падал в ямку,
С пути-дороги не свернул
И, как бурлак тугую ляжку
Лет тридцать с лишним протянул.
Но как бы все мы не хотели,

А дней прошедших нет как нет:
Они над нами пролетели,
Оставив свой нетленный след.
И майским днем, поближе к лету,
Когда по скверам птичий звон,
Передаешь ты эстафету
Тому, кто молод и силен.
Что ж, не обижен ты судьбою,
И область вся тобой горда.
Сейчас сидят перед тобою
Птенцы Иванова гнезда.
Смотри на нас повеселее:
Мы все твои - и стар, и мал.
Ты нас растил, ты нас лелеял
И в добрый путь благословлял.
Людей ценил ты по заслугам
Во все прошедшие года,
Ты был нам всем душевным другом
И покровителем всегда.
Везде мы чтим твои заветы
И, как и ты, ценить должны
И над Байдановкой рассветы,
И мамой сшитые штаны.
Ты не оброс богемным жиром,
Мы под крылом твоим творим
И в этот час тебя всем миром
За все, за все благодарим.
Хоть жизнь нелегкая такая,
Хоть волос редкий и седой,
Но все ж душа твоя морская
Пусть остается молодой.

ПАМЯТИ ВИКТОРА ГИЛЕВА

Богами созданный из света
И из тьмы,
Среди житейских гроз
Ты душу чистую поэта
Совсем не бережно пронес.
Неунывающий и brave
В минуты счастья и тоски
Бросал налево и направо
Её горящие куски.
И на сиреневом закате,
Когда замолкли петухи,
До капли душу ты истратил
И превратил её в стихи.
Пусть славы нет и нет величья,
И ты в неведомой тиши,
Но льется с маленьких страничек
Хрустальный свет твоей души.

*Отсияло горячее пламя,
Отласкал меня девичий взгляд.
И теперь только добрая память
Возвращает былое назад.*

**СТРОКИ
ЛЮБВИ**

* * *

Я на вздохе замру у плетня,
Если снова до чувственной дрожи
На спокойном закате меня
Моя давняя юность встревожит.

В жаре солнца сгорят облака,
Вспыхнут бархатно звездные свечи,
И любимой березки рука
Ляжет мне на озябшие плечи.

Прозвучат и замрут голоса
Той далекой поры невозвратной.
Потемнеют за речкой леса
Под неяркой полоской закатной.

Вечер скрипнет навесом ворот,
Вздогнут крылья распахнутых ставней.
И по улицам сельским пройдет
Моя память о юности давней.

* * *

Я помню вечер – был чудесным он:
Вода огнем горела у причала,
И чья-то песня, тихая, как стон,
За дальнею околицей звучала.

Бледнели краски огненной зари
Над темными речными берегами,
Горели тусклым светом фонари,
Пятная землю желтыми кругами.

Я ждал тебя, я ждал, когда ко мне
Протянешь ты доверчивые руки,
Я ждал тебя в вечерней тишине
И четко слышал сердца перестуки.

И в голубом дрожании теней
Ты ангелом сумела появиться.
А сердце колотилось всё сильнее
И не могло никак остановиться.

* * *

Вечернее небо о чем-то шептало,
И слушала шепот земля.
Девчонка у створки оконной читала,
Губами чуть-чуть шевеля.

Сирень ли, рябина в окно постучалась –
Поди-ка попробуй проверь.
Но книга у створки открытой осталась,
И тоненько скрипнула дверь.

* * *

Разбудила ночью клен зеленый
Звонкая гитара перебором.
И весенним дождиком влюбленный
Робко потоптался за забором.

Постучал.. не получил ответа
И ушел один в густые травы.
И почти до самого рассвета
Жалобно вздыхали все октавы.

ОБЕРЕГ

Какой надежный оберег
Зажат в твоей руке!
И тает первый чистый снег
На розовой щеке.

Тот оберег – моя рука,
Она в твоей всегда.
Глядит на землю свысока
Вечерняя звезда.

А мы идем – и там, вдали,
За тысячью дорог,
На самом краешке земли
Сияет огонек.

Он, поторапливая, ждет,
Как ждут всегда друзья.
Твоя рука меня ведет,
Тебя ведет моя.

ПИСЬМО

На тебя ничуть я не в обиде,
Женщина, подобная лучу,
Как же я давно тебя не видел
И сейчас поговорить хочу.

Знаю: мы во многом изменились –
Не твоя вина и не моя.
Мне когда-то сны с тобою снились,
А теперь и снов не вижу я.

Встала ночь-цыганка у порога,
Черный плат надвинув до бровей.
Выпала мне дальняя дорога
И разлука с дамою червей.

Кем-то свыше строго и жестоко
Всё для нас расписано в судьбе.
Я хочу из дальнего далека
Парой строк напомнить о себе.

Ты прочтешь их, ты прошепчешь: - "Милый!"
И как прежде, в лучезарном сне,
Пусть на миг голубкой сизокрылой
Прилетит твоя душа ко мне.

ЗАРНИЦА

Сверкнула яркая зарница
Над темным лесом за селом,
Как будто розовая птица
Махнула розовым крылом.

Полнеба разом осветилось
В холодном всполохе огня.
И тотчас что-то накатилося
И растревожило меня.

Лети зарница за границу,
Не навевай волшебных снов,
В которых может мне присниться
Моя мальчишечья любовь.

Я не такой, каким бывало,
Стоял, сгорая от стыда.
Давно в саду цветов не стало,
Их заглушила лебеда.

Промчалось время, всё сменяя,
Ты давних грез не вороши.
Закрыта клетка золотая
Моей чувствительной души.

* * *

Быстро, весело и бойко
Над родительским крыльцом
Пролетела юность – тройка,
Прозвенела бубенцом.

Было всё: любовь и радость,
Встреч немало и потерь.
Эх, ты младость, наша младость,
Где ты, милая, теперь?

Всё расписано у Бога
В мудрой книге бытия:
Не торопит нас дорога
В чужедальние края,

Не влекут девичьи косы –
Не для нас былая пруть,
Не волнуют нас вопросы
Или быть, или не быть.

Нам теперь не стать моложе:
Нет живой воды ковша.
Только всё же, только всё же
Где-то в юности душа.

* * *

Налей вина, товарищ мой хороший,
Мы вроде бы пока не старики.
Но всё же годы белою порошей
Запорошили нам с тобой виски.

Мы посидим, попьём, повспоминаем
О том, что было много лет назад.
Кипит весна веселым шумным маем
И в белой пене яблоневый сад.

Мы были и красивей и моложе,
Село нас помнит, удалцов лихих.
Теперь мы оба сдержанней и строже
В стремленьях и желаньях своих.

Любили мы весеннюю порою
Пройтись родным селом за кругом круг,
Да чтоб гитара звонкою игрою
Звала на танцы девушек – подруг.

Но всё же зрелость нам не стала карой,
И в белой пене яблоневый сад.
И мы опять пройдем селом с гитарой,
Как только вспыхнет розовый закат.

ДЕРЕВЕНСКОЙ ДЕВУШКЕ

Журчит весь день река Крутиха –
Так разговорлива волна.
А в деревушке вашей тихо,
Как будто вымерла она.

Не подойдет никто дорожкой,
Букет ромашек теребя,
Не бросит камешка в окошко,
Чтоб вызвать вечером тебя.

Твои друзья нашли, где лучше,
От них ты редких писем ждешь,
Детей в начальной школе учишь
И жизнью сельскою живешь.

Стоишь в платочке у забора,
Привету рада моему,
Но синих глаз твоих укора
Я откровенно не пойму.

Я здесь ни в чем не провинился:
Не расплетал твоей косы
И никогда тебе не снился
В ночные тихие часы.

Я – городской залетный витязь.
Мы просто рядом постоим.
Не стану я твоим открытьем,
Не стану суженым твоим.

Так не следи за мной влюблено,
Красою русской не слепи,
Меня в глазах своих бездонных,
Я умоляю: не топи!

МЫСЛИ

Как лампочки звезды повисли.
Сажусь я в саду на скамью.
Зачем вы, ползучие мысли,
Тревожите душу мою?

Опять и опять задаете
Вопросы вы ей, а не мне.
Какого ответа вы ждете,
Безгласно скользя в тишине?

Его, ненасытные змеи,
Напрасно вы будете ждать:
Душа говорить не умеет,
Она может только страдать.

* * *

Ты погаси тоску во взгляде,
Считай, что боль твоя прошла.
И незаметно счастье сядет
С тобою рядом у стола.

Что проку, если сердце стонет,
Одoleвает маета,
И в море слез горючих тонет
Твоя девичья красота?

Сгони с себя ты сонность совью,
Пусть запоет душа в груди.
На мир с улыбкой и с любовью,
Покинув клетку, погляди.

Стань ослепительно заметной,
Стань неуступчивой в борьбе.
И мир цветов любви ответной
Протянет с радостью тебе.

ГРЁЗА

Красивый сон я видел ночью:
Как будто в сказочном кино,
Среди прелестных дев воочью
Пил благородное вино.
Я возлежал в огромном зале,
Горели факелы вокруг.
А рядом девы танцевали
И нежно пели: - «Милый друг!
Ты – наш державный повелитель,
Над каждой ты имеешь власть.
Мы все пришли в твою обитель,
Чтобы к ногам твоим припасть».
Играл дутар, кружились платья,
Звучал чарующий напев.
И были страстными объятья
Одной, прекраснейшей из дев.
И вдруг она – аркан взметнулся! –
Меня обвила, как змея,
В её объятьях задохнулся
И, закричав, проснулся я.
Глаза открыл: заря вставала –
Ни дев, ни песен, ни вина.
Меня так страстно обнимала
Моя законная жена.

СВЕТ

Яркий свет из окна
В темноте упадет на дорогу,
Что вела и ведет
К небольшой деревенской избе.
Как когда-то давно,
Я почувствую в сердце тревогу,
И ласкающий свет
Мне напомнит опять о тебе.

Просияет звезда,
Надо мною в полете сгорая,
И в далеких полях
Превратится в невидимый дым.
Словно грешник прощенный
К воротам желанного рая,
Подойду я, как прежде,
К высоким воротам твоим.

И на окна твои
Я смотреть буду долго и зорко,
Буду преданно ждать,
Как собака хозяина ждет.
Но изба промолчит,
И не скрипнет закрытая створка,
И не выйдет никто
Из высоких тесовых ворот.

Нет тебя. Все прошло.
Не вернется былое обратно.
Стук вагонных колес
Поздней ночью растаял вдали.
Так зачем же влекут
Эти бледные желтые пятна,
Что бесстрастно лежат
На холодной дорожной пыли?

* * *

Блеск синих глаз, лица овал
Мне вспоминаются невольно.
О, как тебя я ревновал,
О, как хотел ударить больно!

Я весь дрожал, я весь кипел:
Другой ловил твои улыбки.
И в полутемном зале пел
Певец под звуки старой скрипки.

Но я не встал из-за стола:
А страсть меня поднять пыталась.
Ты не моей тогда была
И не моей навек осталась.

* * *

Ты не смотри сердитыми глазами
И непристойных слов не говори,
Когда заносит розовая заметь
Все наши чувства крошевом зари.

Рука с расстройства тянется к стакану.
Ты, милая, меня не осуждай:
Я никогда невольником не стану.
Любви ты требуй, но свободу дай!

Не каждый день бываю я веселым,
Порой и гневным видели меня.
Не удержать поэта под подолом,
Как на гнилой веревочке коня.

Я, человек упрямый, как и ты же,
Как и в тебе, во мне бушует кровь.
Не упрекай, садись ко мне поближе,
Мы выпьем за свободу и любовь.

* * *

Мы, отцветая, отцвели,
Мы, отгорая, отгорели.
В саду замолкли птичьи трели,
И улетели журавли.

Ушла с тобой моя беда,
И сердце выстыло, как печка.
Притихла пасмурная речка,
Покрылась льдинками вода.

И ты спокойно позабудь
О том, что между нами было:
И я остыл, и ты остыла –
Не потревожат чувства грудь.

Ты не ищи, кто виноват.
Любовь не может возвратиться.
Назад вернутся только птицы,
Что над тобой на юг летят.

У ОЗЕРА

Иду на стан в степи безбрежной.
А над озерною водой
Плывет, волнуя, голос нежный,
Напев казашки молодой.

О чем она поет, не знаю,
Но слышу через камыши,
Как в нем сквозит тоска степная,
Тоска безлюдья и глуши.

Зачем ты здесь живешь с отарой,
Зачем в вечерней тишине
Сидишь одна у юрты старой
И песней душу ранишь мне?

Где твой джигит, где твой любимый,
Казак, наездник боевой?
Я прохожу с охоты мимо
И слышу чистый голос твой.

В такие тихие минуты
Безлюден так же мой бивак...
Но песня смолкла, и от юрты
Донесся дружный лай собак.

УЛЕТЕЛА ПТИЦА

Ты упреками сердце не рви:
Жизнь всегда к человеку жестока.
И красивая птица любви
Машет крыльями нам издалека.

Улетела из клетки она
По своей необузданной воле
В те края, где сегодня весна
Веет запахом чистых магнолий.

И ничто уж её не вернет:
Ты не стоишь того, я не стою.
Минет час, минет день, минет год,
Но останется клетка пустою.

Неизломанной будет печать,
Под которой закрытая дверца.
Будет птица в обиде молчать
На призывы холодного сердца.

ССОРА

Ты мне сказала: - Я уйду!
Ответил я: - Уйдешь! И что же?
Мне ты нисколько не дороже
Луны, утопленной в пруду.

Ты мне сказала: - Ты мой враг!
Ответил я: - Пусть враг! И что же?
Мне ты нисколько не дороже
Луны, повисшей в небесах.

Ты повернулась и ушла.
Остался я один. И что же?
Я понял, что всего дороже
Ты для меня всегда была.

* * *

День раскинул объятия лучей
Над широкой лесистой долиной.
Пахнет в воздухе спелой малиной,
И журчит у обрыва ручей.
Я пришел к роднику от страды,
Покорился июльскому зною,
Не боюсь я, что зубы заноят
От студеной хрустальной воды.
Среди ясного жаркого дня
Я её, как невесту, милую,
Я в ключе свою землю целую,
А земля в нём целует меня.

В САДУ

Завяли прекрасные розы
В саду под заветным окном.
И пахнут последние грозы
Холодным и терпким вином.
Глубины и омуты мрачны
В спокойной широкой реке,
А дали чисты и прозрачны:
Как слезы мои на щеке.
Не думали мы, не гадали
В преддверии горького дня,
Что эти прозрачные дали
Тебя унесут от меня,
Что с рокотом птицы крылатой
Во множестве будущих лет,
Останется горечь утраты
Да в небе не тающий след,
Что лес над рекой пожелтеет,
И дни побредут наугад,
Что сердце мое опустеет,
Как этот заброшенный сад.

* * *

Сквозь узор заснеженного сада
Месяц ярко светит с высоты.
А душа взволнованная рада,
Что идешь опять со мною ты.

В серебре широкая аллея.
Сыплются с деревьев огоньки.
Ни о чём сейчас я не жалею,
Чувствуя тепло твоей руки.

Прошлое исчезло без возврата:
Нет сомнений, нет пути назад.
Ты передо мной не виновата,
Это я во многом виноват.

Звезды рассыпаются над садом.
Торжествует счастье над бедой.
Нежный взгляд и нежный голос рядом.
И сияет месяц молодой.

НАДЕЖДА

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!»
Расплывы букв стекают на свечу
Но в мире этом человек пропащий,
Я оставлять надежду не хочу.

Я не хочу, чтоб светлое окошко
Засыпал пепел гаснущей звезды,
Чтоб захлебнулась звонкая гармошка
В тугом потоке хлынувшей беды.

Я не хочу, чтоб странный мир незрячих
Меня увел из жизни без следа
И чтобы на губах моих горячих
Твой поцелуй растаял навсегда.

Я не хочу, чтоб замолчали грозы
Над синим шаром свитые в кольцо,
Чтоб в трепете рыданий чьи-то слезы
Мне обожгли холодное лицо.

Но если это все-таки случится,
То и туда, в космическую тьму,
Как песню солнцу утренняя птица,
Свою надежду я с собой возьму.

ЖЕНЩИНЕ

Ты скоро управишься в хате,
Коровку свою подоишь
И тихо на тихом закате
Одна у реки постоишь.

Откинешь ты косу седую
Своею усталой рукой
И вспомнишь себя молодую
Над этой журчащей рекой.

Взлетят переборы гармони,
Под них каблуки застучат...
И памяти резвые кони
По улице сельской помчат,

Помчат и споткнутся с разлету.
А ты, ни жива, ни мертва,
Услышишь, как ласково кто-то
Зашепчет признанья слова.

Они, словно девичьи грёзы,
К тебе приплывут по реке.
Соленые теплые слезы
Почувствуешь ты на щеке.

И станет тебе сиротливо,
И сердце сожмется в груди,
Как будто стоишь над обрывом —
И нет ничего впереди.

Смятение голову вскружит...
Но вырвешься ты из сетей:
«Да что же я, надо же ужин
Готовить идти для детей!»

И снова обступят заботы.
А в память счастливых минут
Печально и глухо ворота
Вослед за тобою вздохнут.

В БЕСЕДКЕ

Славка пела на тоненькой ветке
Восходящему солнцу привет.
Мы с тобою сидели в беседке
И молчали, встречая рассвет.

В нежном зареве таяли звезды.
Месяц падал на лес молодой.
И расцвеченный заревом воздух
Трепетал над прозрачной водой.

Выгибалась небесная чаша
Над колоннами белых стволов.
И молчание долгое наше
Нам казалось понятнее слов.

Дождиком весенняя сумятица
 Постучала в мокрое окно.
 Не грустится больше и не плачется,
 Я спокойным стал давным-давно.

Что грустить? Слезами не поможешь ты
 Ни себе, ни другу своему.
 То, что в долгой жизни нами прожито,
 Улетело сладким сном во тьму.

Нас прельщают барскими законами,
 Хлопают вальяжно по плечу,
 Только перед новыми иконами
 Я сейчас молиться не хочу.

Не желаю жить под их бумагою,
 Подчиняться рабски их суду.
 Лучше я отчаянным бродягою
 На заре в зеленый лес уйду.

Распрощусь с раскрашенными лицами
 И в краю, где свищут соловьи,
 С вольными порхающими птицами
 Буду тоже песни петь свои.

Не грустится больше и не плачется,
 Я спокойным стал давным-давно,
 И дождем весенняя сумятица
 Мне стучит в закрытое окно.

ДЕВЧОНКИ

Незаметно года пробежали.
 Но мы помним за ними всегда,
 Как девчонок-подруг провожали
 От околицы и от пруда.

По-мальчишески робко и грубо,
 Там, где трепетно гнулась лоза,
 Целовали мы теплые губы
 И смотрели в родные глаза.

Мы девчонкам на веточках тонких
 Неумело дарили цветы.
 И любили нас наши девчонки,
 Опаляя огнем чистоты.

Только чувства к подружкам курносим,
 Опьянив, растворились в крови:
 Мы ушли незаметно и просто
 В поиск вечной, бессмертной любви.

Дни промчались, года пробежали.
 Но мы помним за ними всегда
 Тех девчонок, что мы провожали
 От околицы и от пруда.

И забыть их сумеем едва ли
 На земле и вдали от земли:
 В этих девочках мы потеряли
 То, чего до сих пор не нашли.

В ПЕРЕУЛКЕ

Течет тоской осенней серый дождь.
И, обнимая купленную булку,
Ты шаткою походкою идешь
По нашему родному переулку.
Качаются в глазах твоих дома,
Плывет перед тобой трава у тына.
И ты, как в песне тонкая рябина,
Качаешься от слабости сама.
И я тебе навстречу не бегу,
Чтобы сказать, как прежде:
«Здравствуй, Таня!»
Хочу сказать, да только не могу:
Застрял комок невидимый в гортани.
Стою я неприметно в стороне,
При нашей встрече шляпу не снимаю
И, огорченный встречей, понимаю
За что так больно и обидно мне.
Ах, кто ж тебя, красивую, сгубил,
За грех какой суровая расплата?
Ты женщина, которую когда-то
Я безответно в юности любил.

ПРОШЛОЕ

В прошлое смотрю я издалека.
Снова тяготит меня беда:
Ты со мною так была жестока,
Что забыть не смог я никогда.
Горечью обиды ослепленный,
В тусклом свете желтых фонарей
Уходил отвергнутый влюбленный
От твоих распахнутых дверей.
Тени скользко двигались и никли.
Я бежал куда-то наугад,
Я все ждал, что ты меня окликнешь
И боялся посмотреть назад.
В сердце шрам нескоро затянулся.
Я себе не мог простить никак:
Почему же я не оглянулся,
Может, все бы кончилось не так.
Боль в душе давно перегорела.
И вполне я осознал теперь:
Ты мне вслед минуты не смотрела,
Ты за мной закрыла сразу дверь.
Не хочу вернуть того, что было,
И не злюсь, что время погубил.
Ты меня в те годы не любила.
Я тебя, жестокая, любил.

У БРОДА

Перед россыпью ярких огней
У заветного узкого брода
В час, когда отдыхала природа,
Мы с тобою поили коней.

И в воде, и над темной водой
Звезды плавались, переливались.
Только мы в тишине любовались
Лишь одной многоцветной звездой.

Перед сказочной пляскою звезд,
Обегающих небо по кругу,
Не клялись мы той ночью друг другу
И коней увели через мост.

Утекла голубая вода,
Унесла много дней мимоходом.
Но все так же сияет над бродом
Многоцветная наша звезда.

АХ, НОЧИ

Висела луна фонарем у калитки.
И прятались плечи в пуховой накидке,
И росные травы, укосные травы
Дышали дурманом сердечной отравы.

На травы ложились прозрачные росы,
И пахли черемухой девичьи косы.
Звучали и гасли полночные звуки,
И пахли сиренью любимые руки.

О, как же нам памятливы, как же нам любы
Те долгие ласки, те сладкие губы!
Ах, ночи, зачем вы теперь холоднее,
Зачем вы темнее, зачем вы длиннее?

Ах, ноченьки-ночи, бездонные ночи,
Когда-то вы были теплей и короче!

РАССТАВАНИЕ

Страданиям нет конца, я это твердо знаю.
И в час, когда венки плетет земле восход,
Сквозь розовый туман тебя я провожаю,
Как раньше провожал на белый пароход.

На пристани стоят с вещами пассажиры.
А я иду с тобой в неясном полусне.
И в этом полусне струной волшебной лиры
Страдание мое опять звучит во мне.

Тревожный перегляд, последние объятья,
Прощальные слова впадет и невпадет...
Сейчас ты уплывешь и снова буду ждать я,
Когда ты в светлый день воротиться назад.

С твоих густых волос откинет ветер шляпу.
И в шумной толчее портовой кутерьмы
Ты чайкой золотой слетишь ко мне по трапу
На час или на год – всегда не знаем мы.

Судьбы не изменить, я это твердо знаю.
И в час, когда венки плетет земле восход,
Сквозь розовый туман тебя я провожаю,
Как раньше провожал на белый пароход.

* * *

Я не спрошу ни у кого:
Недавно иль давно
Твой дом напротив моего
Стоял окно в окно.

Сирень под окнами цвела,
И при закате дня
Ты выходила и ждала
На лавочке меня.

И каждый раз к тебе влекло
Меня по вечерам,
И было рядышком тепло
Тогда с тобою нам.

Зачем же в новые дома,
В другие этажи,
Как злая мачеха, не мать,
Нас разбросала жизнь?

Сейчас не надо ничего,
А лишь бы, как давно,
Твой дом напротив моего
Стоял окно в окно.

ПОСОХ

Когда идешь в далекий путь,
Обласканный людьми,
Ты верный посох не забудь,
Его с собой возьми.

Ты с ним переживешь беду,
Достигнешь высоты,
Печаль, заботу и нужду
С ним одолеешь ты.

Тебя он будет звать вперед,
Туда, где солнца свет,
Тебя с любовью поведет
Дорогами побед.

И будет мир над головой,
И будет жизнь ясна.
Незаменимый посох твой –
Прекрасная жена.

* * *

Касается рук моих солнце,
Касается рук моих ветер,
Касаются рук моих теплых
Горячие руки твои.
А в светлой, березовой роще
Колышутся тонкие ветви,
И в зарослях ивы плакучей
Журчат озорные ручьи.

Касается губ моих лето,
Касается губ моих ветер,
Касаются губ моих теплых
Горячие губы твои.
А в темной березовой роще
Играет с деревьями вечер,
И в зарослях ивы плакучей
Поют и поют соловьи.

ЛЮБА

Иду я по улице Верхней,
По улице милой иду,
Где часто я хаживал с песней,
И не было жизни чудесней,
Чем в этом счастливом году.

Под вечер, покинув избушки,
На лавочках возле оград
Судачат о жизни старушки,
И стайкой девчонки-подружки
Мне вслед с интересом глядят.

Иду я с работы, из клуба,
А там, у соседских ворот,
Курганская девушка Люба,
Смотреть на которую люблю,
Меня с нетерпением ждет.

Она очень модно одета,
Стоит без подружек, одна.
Я знаю, что девушка эта
В село приезжает на лето,
Что Люба в меня влюблена.

Она, как принцесса из сказки,
Но робкая с первых же дней:
Зальется пунцовостью краски,
Потупит лазурные глазки,
Едва поравняюсь я с ней.

Она свои чувства скрывает,
И я о догадке молчу,
Я вежливо Любе киваю,
Калитку свою закрываю
И громко щеколдой стучу.

Мы роли играем неплохо,
Сердечные тайны храня.
Да наше молчанье с подвохом -
И Люба томительным вздохом
Опять провожает меня.

* * *

Я не ищу того, что не найти:
Веселый смех развеял ветер шалый.
И ты меня, хорошая, прости
За наш разрыв, мучительный и вялый.
Ты не спасешь того, что не спасти,
Так не смотри презрительно и строго:
У нас с тобою разные пути.
Скажи мне просто: - Скатертью дорога!
И, глядя вслед, меня перекрести.

ОДИНОЧЕСТВО

В далеком волнующем звоне
Церковных напевов печаль.
Сидишь ты на светлом балконе
И смотришь задумчиво вдаль.

Жила ты легко и красиво,
Богато жила, а теперь
На грани душевного срыва
От частых и горьких потерь.

Ты верила в то, что богиней
Считают мужчины тебя,
С твоей утонченностью линий
Смеялась ты, многих любя.

Смеялась, любя и бросая,
Любила, бросала, смеясь,
И в чувствах своих угасая,
Ждала, что появится князь.

Но с тихим презреньем во взоре
К тебе холодели друзья,
А к вам из-за синего моря
Не ехали в город князя.

От прежнего мало осталось:
На тряских ухабах дорог
Однажды любовь потерялась,
Как белый карманный платок.

Ты счастье свое не хранила
Заветной синицей в руке:
Потом и богатство уплыло
Щепою по бурной реке.

Осталось от прежнего мало -
Тебя обманула мечта:
Осенним цветочком завяла
Былая твоя красота.

Тебе одиноко на свете,
И катятся слезы ручьем.
Играет портьерами ветер
На светлом балконе твоём.

* * *

Волна ударила скалу,
На острых камнях распласталась,
Но сквозь предутреннюю мглу
Волна ушла, скала осталась.

И до сих пор всё помню я,
Как сердце бедное металось,
Когда в далекие края
Любовь ушла, а боль осталась.

ГАРМОНЬ

Я слышу напев затаенного темного леса.
Я вижу над лесом в мерцании желтом звезду,
Я молодость помню и тем же беспечным повесой
Опять на вечерки с подругой-гармонью иду.

Гармошка поет над рекой о любимой сторонке,
Гармошка зовет молодежь из других деревень.
Идут позади гармониста под ручку девчонки,
И пламенем синим горит у девчонок сирень.

Их губы алеют, смеются глаза голубые,
И русые волосы падают волнами с плеч.
А сельские парни - вечерок друзья боевые,
Стараются шутками бойких девчонок завлечь.

Я кланяюсь тоже в ответ на поклоны знакомых.
Красивая песня по улице нашей плывет.
И односельчане выходят из каждого дома,
Их в сумерках летних гармонь на гулянье зовет.

На окнах открытых блестят огоньки позолоты,
И кажется: счастью не будет конца.
Забыта усталость, забыты дневные заботы,
Лишь чистые звуки тревожат весельем сердца.

Закончило день благодатное теплое лето.
И скачет за речку заката пылающий конь.
И голосом нежным поет по селу до рассвета
Для девушек милых моя дорогая гармонь.

ШУТКА

Зачем ты меня укоряешь,
Что я на других не похож?
И зря ты посуду швыряешь,
Не знаешь ты, что потеряешь,
Не знаешь и то, что найдешь.

Пожалуйста - фразой избитой -
Я помнить об этом прошу.
Я парень простой и открытый,
Не знаюсь с богемной элитой
И книжки неплохо пишу.

Играю порой на гармошке,
Стучу под машиной ключом.
А если чужие бабешки
Ждут ласки моей, словно кошки,
То я тут совсем ни при чем.

Я больше скандалить не буду.
И ты, дорогая, пойми:
Тебя я нигде не забуду,
Не бей понапрасну посуду,
А лучше меня обними.

МОЯ ЦАРЕВНА

Мой друг, не кручинься в печали:
С тобою мы вспомним не раз,
Как женщин красивых встречали,
Как их мы теряли подчас.
Их, может быть, не было краше,
А мы, углубляясь в дела,
Мечтали, чтоб спутница наша
Прекрасной царевной была.
Сейчас в своей милой деревне
Себя я на мысли ловлю:
Мечтал я всегда о царевне,
А бабу простую люблю.

* * *

Не сотвори себе кумира,
Земного не боготвори.
И, как одна частица мира,
Свою гордыню усмири.
Я эти заповеди знаю,
Как должен всяк живущий знать,
Свое я сердце пеленаю,
Но не могу запеленать.
Себя казню я и ломаю.
Но если на тебя смотрю,
То тем же сердцем понимаю,
Что я тебя боготворю.

ДОМИК

На обрыве на речном
Домик у дорожки,
В этом домике родном
Светятся окошки.

Много зим и много лет
Прохожу я мимо,
Только в домике том нет
Девушки любимой.

Я, бывало, не спеша
Поднимался в горку
И стучался, чуть дыша,
В запертую створку.

Растворялась вмиг она,
Шелестело платье
И слетало из окна
В жаркие объятия.

Месяц падал со стрехи
На тропу заветную.
И орали петухи
В пору предрассветную.

НЕ ЖАЛЕЙ

О прошлом никогда ты не жалея,
Ему прощально не маши рукою.
За солнцем улетает за рекою
Вечерний свет моих родных полей.

Отпело под гармошку и ушло
Все то, что мы, бедовые, любили.
Мы о своих романах не трубили,
Но о романах знало все село.

Как соловьи задолго до зимы,
Гармошки озорные присмирели,
И девочки-подружки постарели,
И головами побелели мы.

Я за былым вдогонку не бегу,
Да и оно проходит стороною,
И девочки другие не со мною
Гуляют на высоком берегу.

И ты, мой друг, о прошлом не жалея:
Его тебе вернуть никто не сможет.
А за рекою тает и тревожит
Вечерний свет моих родных полей.

Как в детстве над чистой Отногой
В счастливую верю звезду
И вновь полевою дорогой
В прекрасную сказку иду.

РОДНАЯ ПРИРОДА

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Улетел денек весенний,
Отмахали два крыла.
Снова сумерки и тени
За околицей села.
На заре поблекли краски
И поблекли на земле.
Я один иду, как в сказке,
В серой сумеречной мгле.
Там у ивы придорожной
Пир на свадьбе светляка,
Там ловушкою мерёжной
Ловит звездных рыб река,
Там в одежды из тумана
Наряжается весна,
Там серебряным бананом
В небесах висит луна.
В переменчивости зыбкой
Бледен свет её лучей.
И поет чуть слышной скрипкой
Между камешков ручей.
Завлекает ночь обманом,
В сети грёз манит она.
И пьянит своим дурманом
Своевольница – весна.

ПОКЛОН

В весеннем небе реют птицы,
Полетом душу веселя.
И я хотел бы поклониться
Тебе, любимая земля.

Твоим полям, твоим березам,
Твоим гераням на окне,
Твоим метелям, шумным грозам,
Твоей вечерней тишине.

За то, что ты меня взрастила,
За то, что я пока живой,
За то, что утром окатила
Меня водою ключевой.

Прекрасная и молодая,
Меня ты строго не суди,
Я, как младенец, припадаю
К твоей живительной груди.

УТРО

Пали росы на покосы.
Бьют во ржи перепела.
Заплела березка косу
И зарю в неё вплела.

Вся она в красе неброской,
Словно девушка, нежна.
И любится березкой
Серебристая луна.

* * *

Уполз прохладный сумрак в травы
И там до новой ночи лег.
И полусонные дубравы
Вспугнул весёлый ветерок.

Вспугнул и замер над долиной.
А на туманные кусты
Тревожный оклик лебединый
Упал с беззвездной высоты.

И с озаренного востока,
Где разделились свет и тень,
Глазами светлыми пророка
Взглянул на землю новый день.

ЛЕТО

Было тихое теплое лето,
Высыхала мгновенно роса,
Целый день, начиная с рассвета,
Нежной дымкой курились леса.

Пели птицы, летали стрекозы,
Рожь качалась до края земли.
И, как белые пышные розы,
Облака над полями цвели.

КРЕЩЕНСКАЯ НОЧЬ

Глазами звезд смотрели небеса
В предпраздничную ночь Богоявления
На темные притихшие леса,
На города и спящие селенья.

Земля была спокойна и светла,
Одетая в белейшую одежду.
И славили церквей колокола
Того, кто дал нам Веру и Надежду.

Сияла ярко каждая звезда
В манящих ум, таинственных просторах,
И освящалась Ангелом вода
В ручьях, колодцах, реках и озерах.

КРОНШНЕП

На рассвете луна молодая
Уплыла, как осенний листок.
И кроншнеп одинокий страдает
В лабиринте озерных протоков.

Что же плачешь ты, глупая птица,
И свистишь сиротливо: - Кю-и!,
Как же смог ты один заблудиться,
Где же братья и сестры твои?

Осень брызгает желтой порошей,
Раздевая леса и кусты.
Я с тобой перекликнусь, хороший,
Не грусти в одиночестве ты.

Я тебе, словно, близкому другу,
Дам сегодня бесценный совет:
Пробирайся ты к теплому югу,
Там и пища, и солнечный свет.

Что ж ты мечешься с криками слепо
Над озерами русской земли?
Но пронзительный голос кроншнепа
Без ответа растаял вдали.

МГЛА

Как серый обруч, сжался горизонт,
Весь мир закрыв безбрежной пеленою.
Неясный страх – огромный мастодонт,
Зловещим смрадом дышит надо мною.

Седая мгла висит над головой,
Земля во мгле и небосвод туманный.
Кричу, зову: - Да есть ли кто живой
За непроглядной мглою окаянной?

Где люди, где родные, где друзья?
Все обо мне, наверное, забыли.
Мне боязно, мне кажется, что я
Оставлен в не засыпанной могиле.

Но нет! Я поднимаюсь, я встаю,
Как птица Феникс из огня и праха.
Я жив, я не повержен и в бою
Преодолею паутину страха.

Пусть грянет бой, и запоет свинец!
Навстречу солнцу мы шагнем с рассветом,
Чтоб этот шаг – начало и конец
Воспетым стал грядущего поэтом.

ЛОДКА

Я пойду луговой дорожкой
Беззаботным бродягой пойду
И у берега теплой ладошкой
Зачерпну в темной речке звезду.

Сяду в легкую лодку безопасно:
Станет радостно мне и легко,
Будто жизни река бесконечна
И до устья её далеко.

Понесет меня речка игриво
В яркозвездной лесной темноте
Мимо тополя, мимо обрыва
К недостигнутой в детстве мечте.

В спящих селах погаснут окошки,
Зачарует русалкой вода.
А в моей незакрытой ладошке
Будет плавать ночная звезда.

ЖУРАВЛИ

За молочным холодным туманом
В неоглядной высокой дали.
С тихим криком большим караваном
Проплывают опять журавли.

Что им сумрак и что им границы,
Что им грустная дума моя?
Улетают свободные птицы,
Покидают родные края.

Привалился я к низкому стогу,
Долго-долго смотрю в небеса.
В этот час и печаль, и тревогу
Навевают мне их голоса.

В путь далекий и вечно великий
Уплывает косяк журавлей.
И висят их прощальные крики
Над безмолвием сонных полей.

БЕРЕЗА И ТОПОЛЬ

Слышен скрип мороза.
Ночь темным – темна.
Белая береза,
Что же ты грустна?
Спрятались синицы,
Верные друзья.
Что ж тебе не спится,
Добрая моя?
Рядом тополь стройный,
Гордый сам собой,
Спит себе спокойно
Рядышком с тобой,
Наклонил верхушку,
Заслонил кусты.
Что ж свою подружку
Не согреешь ты?
Ты большой и смелый,
Ты проснись, родной,
Ведь березке белой
Холодно одной.

ВЕСНА

Бродил в полях заречных ветер шалый.
И, стоя у раскрытого окна,
Я слышал, как взволнованно дышала
Над нашей крышей юная весна.

Звенели колокольчики капли,
И превращались ручейки в ручьи.
А в синем небе жаворонки пели
Весне прекрасной песенки свои.

Из тесных стен я вышел на крылечко,
Там постоял под солнышком один.
Шумела меж крутых обрывов речка,
Весну пугая громким треском льдин.

Я так хотел поговорить с весной,
Но, волосы мои пошевелия,
Она крылом взмахнула надо мною
И улетела в дальние поля.

* * *

Всё ждет меня березка за оградой,
Она, как мама, не сомкнула век.
А я иду по улице и падаю –
Коварный хмель меня толкает в снег.

Я снова загулял, как птица вольная,
Я снова за стаканом пил стакан.
Прости меня, березка белоствольная,
За то, что я в снегу и в доску пьян.

Не заблужусь, не прошагаю мимо я,
Ты знаешь, что я парень не такой.
Я обниму тебя, моя любимая,
И ко твоей груди прижмусь щекой.

И будет нам с тобой тепло от этого,
Мы молча постоим перед окном.
Бывает, что горит душа поэта
И надобно залить огонь ... вином.

* * *

Доносит с ветром тьма ночная
Певца лесного нежный звук.
А я иду и вспоминаю
Своих друзей, своих подруг.

Качает ветер тополь старый,
Как и тогда его качал.
Но мелодичный звон гитары
Под ним навеки отзвучал.

А сколько было песен спето,
А как они ласкали слух!
И с тополиных чутких веток
Слетал на нас лебяжий пух.

Давно затих ваш дробный топот
По нашей сельской мостовой,
Лишь у дороги старый тополь
Качает грустно головой.

СТЕПЬ

О, ширь белесая равнин,
Какой простор в степи безлесной!
Я на крутом холме один
Стою пред вечностью небесной.

Горит крестом далекий храм,
О чем-то добром колокола.
Играет ветер по буграм
Мячами перекаати-поле.

С гортанным кликом через дол
Летят с кормежки гуси цепью,
И в праздной лености орел
Парит в лучах над вольной степью.

Он зорко смотрит с высоты
Туда, где на холме покато
Горят осенние цветы
Перед сияющим закатом.

А ночь с востока, словно ртуть,
Ползет на выцветшие травы,
И серебристый Млечный путь
Встает над степью величаво.

Всё в этом мире мимолетно:
И день, и даже целый год,
Что существует беззаботно
И что заботами живет.

Для истин непригодна вечность,
Изменят истину века,
Но вечной будет эта млечность
Над мимолетностью цветка.

А что – цветок: момент - и к черту!
Бесформье, прах да едкий дым.
Так может стать однажды мертвым
То, что ценили мы живым.

Мы все когда-нибудь уйдем
В страну холодного забвенья.
Но будет жизнь парить орлом,
Считая краткие мгновенья.

* * *

Солнце поутру из-за холма
Посмотрело ясными глазами.
И тогда заплакала зима
О себе горячими слезами.

Потекли сосульки – леденцы
Каплями сверкающей капли.
И на всех скворечниках скворцы
Песенки весенние запели.

БРОДЯГА

Кровь волнует весенняя брага.
Солнце в небе, как спелый ранет.
Я в душе прирожденный бродяга
И бродяжу с мальчишеских лет.
То с ружьем по озерам и рекам,
То с удою у рек и озер,
То с корзинкой в березничке мелком,
То в степи, где бескраен простор.
То под солнцем, а то под луною –
Велика и красива страна.
Солнце тоже бродяжит со мною,
И бродяжит со мною луна.
Я хожу по российским просторам
Без рисованных карт – наугад.
Рад я птичьим лесным разговорам
И пшеничному шелесту рад.
Рад я встретить с возницей телегу
На развилке плутливых дорог,
Рад, когда, как мальчишка, с разбегу
Обгоняет меня ветерок.
Рад я каждой открывшейся почке
На раскидистых ветках ольхи,
Рад тому, что слова, как листочки,
Вырастают в большие стихи.
Кровь волнует весенняя брага,
Солнце в небе, как спелый ранет.
Я в душе прирожденный бродяга,
Я в душе убежденный поэт.

Я ВЕРНУСЬ

Я напьюсь из ручья родниковой воды,
Напою из ручья верна друга-коня,
Мне споют свои новые песни дрозды,
И березка ветвями обнимет меня.

Я у белой березки без слов постою,
Задохнусь от восторга в объятьях её.
В этом царстве лесном, как в небесном раю,
Переполнится нежностью сердце мое.

И, ведя осторожно коня в поводу,
От березки, что будет грустить у ручья,
Я опять неизвестной дорогой уйду,
Чтоб увидеть за далью другие края.

Но останется в памяти голос берез,
Запах ярких цветов, что так нежно медов,
Милый солнечный край, где родился и рос,
С родниковым журчаньем и пеньем дроздов.

Я объеду верхом необъятную Русь,
Много песен услышу и сам их спою,
Но, как ветреный сын, непременно вернусь
К нашим светлым березам, дроздам и ручью.

* * *

На холодном и ясном рассвете
Посинеют седые снега,
Солнце выедет в желтой карете
И рассыплет на них жемчуга.
Будет солнечно, ярко и броско...
На деревьях куржак – не задень!
И пока только светлой полоской
Над землей обозначился день.
Спят в укромных укрытьях сороки,
Спят синицы под шапками крыш.
Но всё шире рассвет на востоке,
И всё звонче рассветная тишь.

* * *

Я люблю зауральские рощи
В переливчатом рокоте гроз,
Когда ливень июльский полощет
Изумрудные платья берез.
Грозно рушатся резкие звуки,
Стрелы молний сплетаются в жгут,
А березки, раскинувши руки,
Им навстречу бесстрашно бегут.
Не пугают их молний объятья,
Что гремят по речным берегам.
Только хлещут их мокрые платья
По сверкающим белым ногам.

В ПОЛЯХ

Таинственный свет полнолуныя
Дрожит на ветвях тополей.
И медленным шагом иду я
Дорогою между полей.

Все глуше и глуше, и глуше
Скрипит коростель за рекой...
Ничто до утра не нарушит
Полуночный сельский покой:

Ни шелковый шелест пшеницы,
Ни ласковый лепет лозы,
Ни свист пролетающей птицы,
Ни ропот игривой грозы.

На западе звездочка тлеет,
Все дальше и дальше маня.
И грусть постепенно светлеет
В спокойной душе у меня.

Как в детстве над чистой Отногой
В счастливую верю звезду
И вновь полевою дорогой
В прекрасную сказку иду.

НОЧНЫЕ ПЕВЦЫ

Весенней ночью над рекою,
Забыв про все дела свои,
Мы часто слушали с тобою,
Как дружно пели соловьи.

В густых кустах, где всем не тесно,
Они гнездились по весне.
И было слушать интересно
Ночных певцов тебе и мне.

На черноте небесной шали
Казался млечный путь дугой.
Певцы друг другу не мешали:
Один споет, потом другой.

И каждый песню вел с «почина»
Во славу матушки – земли,
Свистел то коротко, то длинно,
То чисто цикал он: ци-ли!

Тогда, перед началом лета,
У соловьев был мир и лад,
Звучала нежной нотой флейта,
Переходя затем в «раскат».

Молчали в темных крепях утки,
Никто не слышал дергача,
Когда над речкой пели «дудки»
И раздавались «мелоча».

За «стукотней» трещали «дробки»,
Летели звуки «криль» и «крель».
Сидели мы с тобой у тропки,
И к нам неслись за трелью трель.

Певцы старались вдохновенно,
Чтоб друг от друга не отстать.
А мы считали их колена
И не могли пересчитать.

*Примечание: «почин», «раскат», «дудка»,
«мелоча», «стукотня», «дробки» - названия
колен соловьиного пения.*

* * *

Из домашней, из душной неволи
В золотое преддверие дня
За околицу, в чистое поле
Снова утро уводит меня.

Летний день поднимает ресницы –
Ясен синий безоблачный взор.
И парят серебристые птицы
Над спокойною гладью озёр.

Что июльского утра прелестней?
Мир земной в благодатном цвету.
Славят птицы чарующей песней
Перед Богом его красоту.

* * *

Улегся ветер, смолкли птицы
В густых березовых лесках.
Луна, как хитрая лисица,
Бесшумно кралась в облаках.

Дремали ивы у реки
И лозняки над мелким бродом.
Над пнем гниющим светляки
Кружились тихим хороводом.

Молчал ручей, молчали травы,
Во мгле полей – перепела.
Ночь широко и величаво
Над милой родиной плыла.

Лепился к небу звездный рой...
Но было на душе тоскливо:
В деревне темной под горой
Магнитофон орал: - «Пей пиво!»

КЛЕНЫ

Раздеваются осенью клены,
Засыпают дорогу листвой,
И шумят оголенные кроны
В темноте над моей головой.

Клены, клены, о чем вы шумите,
Устремляя свой взор в небосвод?
Там в холодном туманном зените
Ваших жалоб никто не поймет.

Только я вас пойму, дорогие:
Ночь пришла холодна и темна,
Вы сегодня стоите нагие,
Но оденет вас снова весна.

Дни зимы промелькнут, как мгновенья,
И она покорится весне.
Я желаю вам, клены, терпенья,
Пожелайте того же и мне.

СОЛОВЕЙ

О, моя неприметная птица
В изумрудном росистом раю!
Я приехал к тебе не проститься,
Просто песню послушать твою.

Спой мне чистое звонкое соло,
Я замру у родного плетня.
Твой прекрасный серебряный голос
Постоянно чарует меня.

Я могу без конца его слушать,
С ним я в доме над речкою рос,
Голос твой проникает мне в душу
И, как прежде волнует до слез.

На траве и кустах чернолесья
Чуть колыхнется ночи вуаль.
Воскрешает во мне твоя песня
И любовь, и мечту, и печаль.

Позвала меня с прежнею силой
Издаёка в родные края
Эта музыка родины милой,
Эта чудная песнь соловья.

КРАСОТА

На российских просторах,
Нет просторней которых,
Побелели деревья,
Побелели дома.
Из далекого края,
Веселясь и играя,
Прикатила на тройке
Темной ночью зима.
Утром солнышко встало
Неохотно, устало,
С высоты удивленно
Посмотрело вокруг:
В день осенний, вчерашний,
Были черными пашни,
А сегодня сияют
И дорога, и луг.
Там, где солнце тонуло,
Речку льдом затянуло,
На раздетых березах
Только снег – ни листа.
Солнце луч протянуло,
Восхищенно вздохнуло:
- «Ах, какая же, Боже,
На земле красота!»

БУРЯ

Бушует буря над селом,
Свистит с натугою и гневом.
Наполнен мой уютный дом
Её пронзительным напевом.

Седой январь суров и крут,
Он разгуляться ночью вышел.
И сучья тополя скребут
По занесенной снегом крыше.

Гнусавит провод, как струна,
Передавая мне тревогу.
И свет соседского окна
Не вижу я через дорогу.

И я молюсь всю ночь в тепле
Под вопли снежинцы сердитой,
Чтобы никто в проклятой мгле
Не заплутал в степи открытой.

КЛАД

Процебетала мне синица,
В окошко стукнув поутру,
О том, где тайный клад хранится
В зеленом солнечном бору.

Несметны там сокровищ груды
Под зорким оком января:
Висят повсюду изумруды
И блещут слитки янтаря.

Кто хочет, тот отыщет сразу
Среди нетронутых снегов
Под солнцем россыпи алмазов
И снизки чистых жемчугов.

Надену я «лесные» лыжи
На остроносые пимы,
Пойду в тот бор и там увижу
Богатства матушки – зимы.

Я полюбуюсь и оставлю,
Я их домой не принесу,
Зато в стихах своих прославлю
Лесную зимнюю красу.

Мне что-то дома беспокойно стало,
 Тревога камнем на душу легла.
 И движется перо мое устало,
 И не волнуют сельские дела.
 Я днем не сплю и ночи коротаю,
 Когда орут к рассвету петухи:
 То старые журналы полистаю,
 То напишу весенние стихи.
 Но выплывает солнце красным ситом,
 И дружно в окнах гаснут огоньки,
 Меня из дома тянет, как магнитом,
 Туда, где спят под снегом ручейки.
 Я чувствую: они проснутся скоро
 От долгого безрадостного сна.
 И одеяло белое с просторов
 Однажды снимет матушка весна.
 И будут пить вернувшиеся птахи
 Из каждого веселого ручья.
 И льдины поплывут, как черепахи,
 Из наших мест в далекие края.
 Придет весна и сердце заволнует:
 Мы все давно соскучились по ней.
 И позовет меня и подсадную
 На зорьке жаркий шепот селезней.
 Я поклонюсь родной земле пониже.
 И запоет встревожено душа,
 Когда я снова радостный увижу
 Глаза озер в ресницах камыша.

На косогоре встану я
 И поклонюсь родному краю.
 Душа печалится моя,
 А почему – и сам не знаю.
 Поля и дальние луга,
 Где птицы вольные свистели,
 Опять засыпали снега,
 Опять завеяли метели.
 Унылый вид, унылый сад,
 Бело в лесах заиндевелых.
 Избушки сельские стоят,
 Как женщины, в платочках белых.
 В реке покрыта льдом вода.
 Хоть мало красок – много света.
 И кажется, что никогда
 К нам не придет обратно лето.
 Душа печалится моя,
 Но покоряется надежде.
 И облегченно верю я:
 Все будет так, как было прежде.
 Пройдет, как сон, моя печаль
 Пустыми белыми лугами.
 И очарованный февраль
 Засыплет след её снегами.
 Начнет он вьюгами кружить
 И принесет мою удачу.
 И погрузу я, и поплачу,
 Но буду верить, буду жить.

НА ТОКУ

Светлеет полоска востока.
И с трепетным чувством в душе
Я жду косачинога тока
В просторном своем шалаше.

Лежу я на прелой соломе
Средь редких кустов ковыля.
А рядом в весенней истоме
Шумит ручейками земля.

Она просыпаться не хочет.
И мне отовсюду слышны
Неясные шорохи ночи
И нежные вздохи весны.

В полете над лесом и скрадом
Кулик озорно просвистел.
Вдруг крылья захлопали рядом:
То первый косач прилетел.

Примолк. Потурлил между кочек,
Потом в предрассветную тишь
Соперникам он что есть мочи
Рассерженно крикнул: - Чу-фышшь!

Его молодецкая удаль,
Казалось, не знала границ.
И тут же к нему отовсюду
Слетелось четырнадцать птиц.

Они токовали без крови,
Кружа меж ковыльных кустов.
Мелькали там красные брови
Да белые лиры хвостов.

То грудью, то задом, то боком
В прохладной рассветной тени
С шипеньем, с турленьем, с подскоком
Друг друга пугали они.

Дрались косачи на пригорке.
А слева, от них в стороне
Клевали сережки тетерки
В березах поближе ко мне.

Смотрел я на них с интересом.
Везде после долгого сна:
Над полем, над лугом, над лесом
Кипела и пела весна.

В холодном прозрачном тумане
Скользили косые лучи.
А здесь, на ковыльной поляне,
Шалели в любви косачи.

ЗАРНИЦЫ

В темной дали небесами
Ночью, куда ни взгляни,
Там над глухими лесами
Тихо блуждают огни.

Вспыхнут и сразу сгорают,
Сполох – и снова темно.
Это зарницы играют,
Чтобы созрело зерно,

Я возвращаюсь с охоты:
Тишь от небес до земли.
Только огни-привороты
Слабо мерцают вдали.

Словно колышется небо
И озаряет поля.
Запахом спелого хлеба
Пахнет ночная земля.

ПЕРВЫЙ ЛУЧ

Молочна, как засвеченная пленка,
В низине извивается река.
Из камышей заливисто и звонко
Звучит над лугом голос кулика.

Иду к реке рассветною порою:
За лесом песни льют тетерева.
Был ночью дождь, и все вокруг сырое:
Кусты раkit, деревья и трава.

Но в небе чисто, лишь за дальней далью,
Где лег на лес воздушный океан,
Тяжелой непрозрачною вуалью
Клубится бело-розовый туман.

Летят к воде серебряные птицы,
Ведут друг с другом тихий разговор.
И хочется мне в детство возвратиться,
Чтоб запалить на берегу костер,

Чтобы с друзьями в углях печь картошку,
Чтоб за водой бежать на чистый ключ...
А с высоты на узкую дорожку
Уже упал холодный первый луч.

СТЕПЬ

За низкою звездой иду я степью дикой.
Ночь тихая бодрит и отгоняет сон.
Сквозь разноцветье трав, сплетенных повиликой,
Ведет меня звезда по кладбищам времен.

За тридевять земель границы Казахстана:
Целинные поля, озера да ковыль.
Когда-то здесь ползли кибитки Чингизхана,
И солнце на три дня тогда скрывала пыль.

Как за поводырем, иду я за звездой.
А где-то далеко кричит тревожно гусь.
Здесь проходил Батый с огромною ордою,
Чтоб силой покорить неведомую Русь.

Звенели здесь мечи, здесь люди воевали,
Стонала в страхе степь, и кровь текла по ней.
Здесь тысячи племен веками кочевали
С отарами овец и уймою коней.

Ушли те времена, успели кануть в лету.
Исчезли навсегда великие вожди.
И только я стремлюсь к серебряному свету
И думаю о них с тревогою в груди.

Молчит седая степь от северной границы.
Сейчас идет страда, пока погожи дни.
Лишь вечером кричат встревоженные птицы,
Да бродят в темноте безмолвные огни.

НЕНАСТЬЕ

Сквозь темь, овладевшую миром,
Я с озера шел, одинок.
И лужи, как черные дыры,
Зловеще блестели у ног.

А ветер носился кругами,
Шумел и вздыхал надо мной,
И хлюпала грязь под ногами
На узкой дороге лесной.

Мне было и страшно, и зябко
Средь ночи в чужой стороне.
И плащ мой, как мокрая тряпка,
Под ветром болтался на мне.

Блудил я в глуши бесприютной,
Считал между сосен пеньки,
Но к счастью за моросью мутной
Увидел вдали огоньки.

Я капельки сбросил рукою
С лица. И при виде села
Безмерная радость покоя
Тотчас же меня обняла.

И вздохом вздохнул я глубоким,
Как ветер вздыхал надо мной...
Нельзя быть таким одиноким
На мокрой дороге лесной.

НА ВЫРУБКЕ

В темном небе трепещут лучи -
Завтра ясною будет погода.
Но угрюмой трубою звучит
За опушкою голос удода.

Вторят шорохи грубой трубе,
Вторят ей непонятные звуки.
Лес израненный в тайной мольбе
Тянет кверху мохнатые руки.

Так о чем же ты молишься, лес,
В час ночной в темноте непроглядной:
О холодности звездных небес,
О судьбе ли своей безотрадной?

Здесь надрывно орала пила,
Топоры здесь вели разговоры.
И скрывает полночная мгла
Пни и сучьев отрубленных горы.

Сел и я у огнища на пень,
Увлеченный молитвой лесною.
И качается страшная тень
На кустах за моею спиною.

МОРОЗ

Вьюга снегом облепила
Ветки кленов и берез.
И, как белый поп с кадилом,
Ходит бабушка Мороз.

Он кадит на всех дорожках,
Наряжает в шубки бор
И рисует на окошках
Свой затейливый узор.

Он скрипит снежком у речки,
Он сучьем трещит в лесах,
Он малиновые свечки
Зажигает в небесах.

Он детей ладошкой мягкой
Гонит к печке со двора.
И в постель, ночной гуляка,
Не ложится до утра.

СЧАСТЛИВОЕ ЛЕТО

Над милым родительским домом
Опять в облаках небеса,
Гремят августовские громы,
И пахнут грибами леса.

А чуть только солнце в окошке
Подставит свой лик ветерку,
Беру я побольше лукошко
И в лес ухожу за реку.

Брожу средь берез по долине,
Где легкий туман от жары,
Где капли горят в паутине,
Как бусы алмазной игры.

Кружу без пути, без дорожки,
Скольжу меж деревьев ужом
И крепкие белые ножки
Срезаю я острым ножом.

Разведрился день понемножку,
И пялится солнце в зенит.
И полнится споро лукошко,
И запах ядреный пьянит.

В мелькании тени и света
Поляны в лесу голубы.
Ах, лето, счастливое лето,
Кусочек короткой судьбы.

ПРОЩАНИЕ

Прощается озеро с летом,
И сквозь голубую вуаль
Блестит убегающим светом
В серебряном мареве даль.
И желтый камыш и осоку
Прозрачные нити сплели.
А в небе высоко-высоко
Ведут хоровод журавли.
Они переменчивость чувят
В озерах, в полях и лесах:
Весною в осоке танцуют,
А осенью там, в небесах.

* * *

Чирикают ранние пташки
И чертят над лесом узор.
И в белых платочках ромашки
По-летнему радуют взор.
Игривой речушки излука
Теряется в дальней глуши.
И верится мне, что разлука
Не тронет смиренной души,
Что будет со мною всё это:
Тропинки лесной колея,
Ромашки и птицы, и лето,
И резвая речка моя.

РЫЖАЯ ОСЕНЬ

Ветер холодно несносен,
Продувает все леса.
А в лесах мелькает осень,
Словно рыжая лиса.

То осинка, то березка,
То жар-птица, то огонь.
За селом скрипит повозка,
И едва плетется конь.

У далекого у брода
Чайка вьется и кричит.
- Что за мерзкая погода! –
Глухо дедушка ворчит.

Внук ему не отвечает,
Мальчугану недосуг:
Зорким глазом примечает
Чудо чудное вокруг.

Над кустами – по верхушкам
Вдалеке плывут леса,
И гуляет по опушкам
Осень – рыжая лиса.

ПРИШЛА ЗИМА

Еще вчера огнем горели дали,
И сдерживали зиму: подожди.
А золотые листья, как медали,
Висели у березок на груди.

Еще вчера у несварливой речки
Октябрь спал на желтых берегах.
И облака – пугливые овечки
Паслись на синих солнечных лугах.

Еще вчера заветная дорожка
Меня, как мама, за руку вела.
А грузди сами прыгали в лукошко
В березняке у нашего села.

Еще вчера плыла теплынь густая,
Сплетала в нити жаркие лучи.
Еще вчера огромной черной стаей
Спирально с неба падали грачи.

Но темной ночью вздрогнули с испуга
Встревоженные яблони в садах.
И резкий ветер северную фугу
Печально заиграл на проводах.

А новый день шагал с тяжелой ношей
Через леса, поляны и дома:
Сегодня ночью с белой порошей
Пришла на землю долгая зима.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

За решетки сверкающих молний,
В казематы бушующих туч
Неожиданно спрятался в полдень
Перепуганный солнечный луч.

Гром сердито прогрохал с увала,
И закрыла глаза бирюза.
В листьях, словно кипящее сало,
Зашипела шальная гроза.

Шквальным ветром с берез опаленных,
Как метлою, смело воробьев.
За траву ухватились на склонах
Крючковатые пальцы ручьев.

Гром гремел в небывалом экстазе,
Рвали молнии речки стекло.
Небо черное падало наземь,
И дышала земля тяжело.

ГРИБЫ

Чистый голос иволги
По лесу разносится.
А душистые грибки
Сами в кузов просятся.

Я уверенно хожу
Редколесной гривою,
Их в корзиночку ложу -
Толстые, красивые.

Я грибы искать люблю
Под листвою волгую,
Наберу их, засолю
На всю зиму долгую.

Я брожу весь день, ищу
Эти грузди-крошечки.
Приходите, угощу
К золотой картошечке.

- Угощайтесь, господа,
Нашей русской сладостью,
И пахнет на вас тогда
Лесом, солнцем, радостью.

ДОЖДЬ

Дождь роняет то громче, то тише
Капли светлые утренних слез.
И почти незаметно колышет
Золотистые платья берез.

Нежной дымкой подернуты дали
И грустит лебеда на меже.
Что задумали вы, загадали,
Все несбыточным стало уже.

Мало теплого доброго света
В эти хмурые дни октября.
Укатилось веселое лето
Колесом за леса и моря.

Только шорох ненастных мгновений
Проползает ужом по песку:
Это медленный дождик осенний
Навевает на сердце тоску.

БЕЗМОЛВИЕ

Исчезла дневная шумиха,
И солнце упало за лес.
Иду я над речкою тихо
В безмолвии, полном чудес.

Крадутся неясные тени
По берегу речки за мной,
И ласковый ветер весенний
Беззвучно играет волной.

Незримые руки потемок
Деревья качают слегка.
И светом малиновых кромок
Блестят в вышине облака.

Здесь все безмятежно и свято,
И, словно в раю, не греша,
На розовых крыльях заката
Парит над землею душа.

ПОЛУНОЧНЫЙ ЗВОН

Веселой тучки серенькая тень
Плывет над задремавшими полями,
Над белыми степными ковылями,
Над огоньками спящих деревень.

Ночь погасила бледную зарю
За темными далекими лесами.
С родной земли сегодня с небесами
Я долго-долго в мыслях говорю.

Я слушаю неслышный многим звук,
Что заглушает все ночные звуки.
Я по земле раскидываю руки
И в этот миг не ощущаю рук.

И в тишине я размышляю вновь
О бренности недолгой нашей жизни,
О дорогой измученной Отчизне,
Где понапрасну льется чья-то кровь.

Сквозь мрак ночной я небеса молю,
Молю о доброте, молю о мире...
А ночь звенит над пашнями Сибири.
Страна уснула, только я не сплю.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Поздно сложила заря молчаливая
Легкие крылья свои.
Дремлет река под ветвистой ивою,
Смолкли в кустах соловьи.

В розовом сумраке звезды колышутся,
Падает с неба роса.
Песня за нашей околицей слышится,
Стройно звучат голоса.

Песня плывет над росистыми травами,
Кружит в степных ковылях,
Таит она за лесами кудрявыми
В дальних пологих полях.

Я одиноко над речкой зеркальной,
Думая думу, стою.
Песня красивая, песня печальная
Душу тревожит мою

В эти мгновения многое вспомнится
Мне у излуки речной.
Песню душевную ноченька-скромница
Слушает вместе со мной.

ОКТАБРЬ

Перебрался за речку рябую
За стремительным ветром вослед
Убегающий в даль голубую
Переливчатый солнечный свет.
Хитроумно узоры сплетая,
И в узоры, вплетая зарю,
Посылала грачиная стая
Свой последний привет октябрю.
Паутина сулила погоду.
И весь вечер в селе на задах
Листья медленно падали в воду,
И горели рябины в садах.

* * *

Надень-ка теплое пальто
И тихо выйди на крылечко:
Луна – изогнутая свечка,
И небо, словно решето.
В саду гуляет ветерок,
Шумит, то громче, то потише,
И листья темные, как мыши,
Шуршат почти у самых ног.
Опять в мерцающей пыли
Над нами млечная дорога.
И осень дышит у порога
Прозрачным холодом земли.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Ночь убегает, воровато
В овраги прячась от зари.
На ветках вата розовата
И красногруды снегири.

В снегу искристом, чист и звонок,
Над миром новый день встает.
И светлый месяц, как теленок,
В реке небесной воду пьет.

Из теплых труб легко и ломко
К зениту тянутся дымки.
И, разговаривая громко,
Идут работать мужики.

Летит кормиться галок стая.
Хрустит размеренно снежок.
И на бегу его хватает
Мой верный спутник - пес Дружок.

УТРО

Пали росы на покосы.
Бьют во ржи перепела.
Заплела березка косу
И зарю в неё вплела.

Вся она в красе неброской,
Словно девушка, нежна.
И любит березкой
Серебристая луна.

НА РАССВЕТЕ

На рассвете, то громче, то тише,
При неяркой ущербной луне,
Хныкал северный ветер на крыше,
Как раздетый ребенок во сне.

Хныкал ветер в растрепанных липах,
Пожелтевшей листвою соря.
И в его несмолкающих всхлипах
Людям слышался плач октября.

Просыпались они, и тревога
Вместе с ветром влетала в дома:
В этот утренний час у порога
По-хозяйски гуляла зима.

* * *

Пел о свободе, о полете
Дрозд на рябиновом суку,
А выпь уныло на болоте
Лила болотную тоску.

Рассвет в голубеньком платочке
В луга на травы гнал стада.
Бубнила выпь, уткнувшись в кочки,
Но люди слушали дрозда.

ПРОСТОР

Неоглядный простор - и душа нараспашку.
Свет веселого дня заливает леса.
На упругий валок я швыряю рубашку,
И серебряной змейкой сверкает коса.

Шаловливо шумит и шипит с каждым шагом,
И рисует в цветах за дугою дугу.
Молодую траву я кошу за оврагом,
Молодую траву я кошу на лугу.

Не жалеет коса разноцветных соцветий
И зеленым ковром устилает мой путь.
И горячей волной разбивается ласковый ветер
О мою молодую и сильную грудь.

ЛИСТОПАД

Приползла к нам осенняя слякоть:
Дождик нудный с темна до темна
Словно просит с ним вместе поплакать
У раскрытого мною окна.

Наступила пора листопада:
Листья медленно, скользко летят.
Веет запахом прели из сада,
И пустые дорожки блестят.

Чуть видна за рекою лощина.
Вновь не пишется, хочется спать.
Лезет в голову мне чертовщина.
Вечер путает мысли опять.

Я сижу без движенья и звука,
В мир бессмысленных грез уходя.
И меня продолжают баюкать
Шепот ветра и шорох дождя.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Рожок луны звучал уныло,
Встречая первую звезду.
А сердце ныло, сердце ныло,
Как будто чувствуя беду.

Над остывающей водою
Кулик растерянно свистел,
Он звал меня, но я с бедою
Встречаться ночью не хотел.

И я уплыл вдоль переката
От грустной песни кулика,
От невеселого заката
И от унылого рожка.

* * *

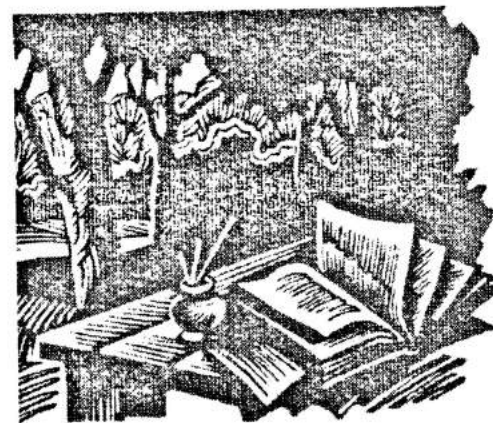
В нимб утром солнце золотое
Упрятал батюшка-мороз.
Стоят под белою фатою
Куртины сосен и берез.

Куржак, что розовая пена,
Укрыл тальник на берегу.
И тонут рощи по колено
В ультрамариновом снегу.

* * *

Горит заря: в ее полукольце
Далекий лес и птиц осенних стая.
Сижу один на стареньком крыльце,
С тревожной думой вечер коротая.
Уплыли в лету летние деньки,
Крадется осень к нашему порогу.
И вспыхнувшие в окнах огоньки
Крестами рам ложатся на дорогу.
На что надеюсь и чего я жду,
Кому смогу поведать свое лихо?
... Упало гулко яблоко в саду.
И стало тихо.

Я – не Омар Хайям, не Навои,
Я просто мысли вынесу свои
Тебе на суд, любезный мой читатель,
А запишу их в форме Рубаи.

МЫСЛИ В ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ

Всё грязью поливать – удел глупца,
Порочить всех он может без конца.
Но ты, мой добрый друг, глупцов не слушай
И не теряй ты чистого лица.

Пусть совесть исчезает без следа,
И пусть народ свой грабят господа,
Ты честным будь и будешь ты счастливым,
Себя не унижая никогда.

От камня по воде бегут круги.
Мы с матерью-природой не враги.
Цени всегда ты красоту земную
И, как зеницу ока, береги.

Не плюй в колодец чистый никогда:
В твоём плевке ответная беда.
Неотвратимым каверзным недугом
К тебе вернется грязная вода.

Я не виню Создателя ни в чем:
Мы сами рубим голову мечом,
Мы сами в наших бедах виноваты,
А потому Создатель ни при чем.

О, юноша, благоразумным будь,
Не падай сразу женщине на грудь.
Не забывай: у сердца нет окошка,
Тебе тотчас в него не заглянуть.

Пусть президенту мой совет прочтут:
Свою страну ты выпутай из пут.
И помни ты о мудрости народной:
Вчерашней славой страны не живут.

Есть собачонки на чужой узде,
Что гавкают на свой народ везде,
Не помня, как паршива та собака,
Что может гадить в собственном гнезде.

Враг внешний не откроет нипочем
Ворота наши собственным ключом,
Ведь русский человек шутить не любит
Ни с калачом, ни с вынутым мечом.

На родину свою приди пешком
И вытри слезы скомканным платком.
Как говорится: на родной сторонке
И придорожный камешек знаком.

Хоть ты паси барана на траве,
Хоть посели барана ты в Москве,
Но и тогда баранья шапка будет
Все время на бараньей голове.

Сегодня на развалинах страны
Живут вольготно воры и вруны.
Мой бедный друг, они в укромном месте
С тебя сдерут последние штаны.

Мой друг, не зарекайся от сумы,
Не зарекайся так же от тюрьмы.
Не раз такой дорогой проходили
На этом свете лучшие умы.

Развал страны на совести двоих:
Они её ударили под дых.
Я верю, как тупиц недальновидных,
Когда-нибудь народ осудит их.

Не лезь ты за хозяина в костер:
Он умный льстец и в хитростях матёр.
Он никогда тебе не станет другом –
Хоть шерсть мягка, да коготок остер.

Не заводи ты злобного щенка,
Не заводи и друга – дурака,
Чтоб он потом от зависти и злобы
Не укусил тебя исподтишка.

Не подавай на богачей в суды,
Там судьи не поймут твоей беды:
Богач казной сумеет откупиться,
Всегда сухим он выйдет из воды.

Дурак на протяжении веков
Не изменился – он всегда таков.
О, Господи, избавь мою Россию
От старых и от новых дураков!

Не говори себе: - Я не хорош!
Не говори душе: - Ты стоишь грош!
Она же не беспутная соседка,
Ты стороной её не обойдешь.

Хоть за границей сладкая вода,
Ты не беги попить воды туда.
Известно, что и кости за границей
По Родине рыдают иногда.

Ты не гони единственную мать
И не старайся дом родной продать.
Кто родиной и матерью торгует,
Всех божьих кар ему не миновать.

С другой горой не сходится гора.
А мы все были братьями вчера.
Зачем же ненавидеть нам друг друга?
Вражда нигде не делает добра.

Ты Родину свою цени всегда,
Какая б ей ни выпала беда.
О том в лесу кукушка и кукует,
Что не имеет отчего гнезда.

Не радуйся, что у других беда,
А лучше ты иди помочь туда.
Сказали мудрецы: чужой бедою
Ни сыт, ни пьян не будешь никогда.

Не лъсти себе, поэт, что все легко,
Что ты взлетел, как птица, высоко.
Как на пеньке ни дуется лягушка,
А все же до вола ей далеко.

Что жизнь быстра, известно всем давно,
Прожить два века людям не дано.
Твори добро и в памяти потомков
Тебя на век переживет оно.

Как говорят в народе: ни копыа
От книг своих не получаю я.
А всем известна истина простая,
Что баснями не кормят соловья.

Не допускай ты розни в отчем доме,
Пусть весь твой род одной семьей живет.
Соломинку и муха переломит,
А сноп тугой и лошадь не сомнет.

Давно уже Россия не держава,
Но много на её земле чудес:
В бесславии погиб орел двуглавый,
Лежал и гнил, и надо же, - воскрес.

Мой бедный друг, с богатым не водись,
Он не польет твоей души елеем,
И никогда с казною не судись,
Коль у неё не служишь казначеем.

Коль враг пришел с мечом, ты бей врага,
Не отпускай его ни днем, ни ночью,
Да бей ты так, чтобы от батога
И от врага остались только ключья.

Напрасно пулю душой называют.
Ведь на земле уже который век
Не пуля человека убивает,
А убивает пулей человек.

В автобусе заполненном, как слон,
Толкает пожилых людей детина,
И понимают сразу все, что он
Лицом пригож, да разумом – скотина.

Цени себя, живи ты, как царица,
Умей любить, умей повелевать.
Как в русской поговорке говорится:
Не дай себе ты в кашу наплевать.

Пусть морщит губы дама городская:
- Что за поэт? Мужик, не эрудит!
Но я себе все время цену знаю:
Земелька черная, да белый хлеб родит.

О, юноша, лишь добрые дела
Твори ты на планете неуютной.
Коль праздной твоя молодость была,
То старость тоже может быть беспутной.

Не ценится сейчас крестьянский труд
Властями нашими – мы правдой их обидим.
Но люди по пословице живут:
Убить бы день, а ночи не увидим.

С женой скандаля, муж всегда неправ,
А правоту и на весах не взвесишь.
Но, всё ж, жена - не гусли, поиграв,
Её, как их, на стенку не повесишь.

Народы меж собою никогда
Не воздвигайте вы ни стен, ни башен
И в крепкой дружбе помните всегда:
В согласном стаде и медведь не страшен.

В своей семье живите, не греша,
Чтоб ваших ссор не слышала округа.
Муж – голова, жена в семье – душа,
Им не прожить на свете друг без друга.

По всей России воровские споры
Кипят, добро народное деля.
Читаю: вора задушили воры.
Что ж, вору воровская и петля.

О прошлом мы жалеем лет до ста,
Жалеем не единожды, не дважды.
Ведь самая большая рыба та,
Что сорвалась с крючка у вас однажды.

Ты восхищен: ах как она красива,
Как весела в минуты ваших встреч.
Смотри – любовь стрекучая крапива,
Она позднее может и обжечь.

Люби людей и будь в любви той щедрым,
Но и себя не забывай любить.
Всяк сам себе порою друг и недруг,
Но лучше все же добрым другом быть.

Не ссорься никогда со старым другом
И верность давней дружбе сохраняй.
Поверь мне, что без друга в жизни туго:
Коней на переправе не меняй.

Ты не кичись, что паном встал над веком,
Что ты жену цветами осыпал.
Судьба всю жизнь играет человеком:
Сегодня пан, а завтра ты пропал.

Усовестишь богатого едва ли:
Всё для него, а людям – ничего.
Когда живущим совесть раздавали,
Наверно, дома не было его.

Меня ты хочешь угостить вином.
Что ж, угости, но помни об одном:
Я не терплю такого человека,
Что лезет в рот мой масляным блином.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫСОКИХ ПОМЫСЛОВ ПОЭТ 3

МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Моему читателю 8
Песня 9
Звезды небо высветили броско... 10
Мне говорят 11
Не навреди 12
Ткёт узор над красной колокольней... 13
Юному поэту 14

ОТ СЕРДЦА ИДУЩИЕ СТРОКИ.

Речка жизни моей 16
Земля моя 17
Раскалилась душа 18
Родные места 20
Кинул я с обрыва камень в воду... 21
Я усталый приткнусь у дороги... 22
Страна грез 23
Россия 24
Родина 25
Звезда 26
Прости 27
Гармония 28
Просьба 29
Мое село 30
Сны 31
До Победы 32

О БЛИЗКОМ И РОДНОМ

Перед сном 34
Цветы 35
Сказки 36
О песнях 37
Чудеса 38
Надежда 40
Наши мамы 41
Мое детство 42
Создатель, все сотворено тобою... 44
Навей мне сон, осенняя прохлада... 45
Березы 46
Сыну 47
В школу 48
Колыбельная внучке 49
Нине 50
Ты - русская 51
Мамин хлеб 52
Письмо сыну-солдату 54
Свет в окне 56
Монолог о матери 57
Благодарю 72

Я ШЁПОТОМ ЖИТЬ НЕ ЛЮБЛЮ...

Моя страна 74
Душа 75
Далекое 76
Луч 77
Умирает деревня 78
Я шепотом жить не люблю... 79
Жестокость 80
Размышления у книжного киоска 81
Пора 82
Перевал 83

Как льдинка в солнечном огне...	84
Спесь	85
О себе	86
Добро	87
Раздор	87
Гнев	88
Я деньгам поклоняться не буду...	89
Вот и снова запела труба...	90
Знаю я, что не плачут мужчины...	91
Сев	92
В жизни все и понятно, и просто...	93
Обделен я радостью земною...	94
Пускай провиденьем пророка...	95
Элегия	96
Колокол и меч	97
Монолог придворного	98
Новым клеветникам	101
Беспамятство	102
Несу за потерей потерю...	103
А офицеры как всегда верны...	104
Марш-бросок	105
Век двадцатый	106
Боль	107
Мы	108
Печально смотрят русские святые...	110
Горе	111
Возвращение	112
Артисты	114
Бутылки	115
Мы жили всегда впопыхах...	116
Праздничная ночь в селе	117
Мы уходим	118
Телевизор	119
Проходят дни	120

Новым реформаторам	121
Беспризорные	122
Куда идем?	124
Горит душа	125
Аллегория	126
Удав	127
Боязнь	128
Птица времени	129
Новые ростки	130

ЧТОБЫ МЫ ПОМНИЛИ...

Наступит день	132
День и жизнь	133
Мои ветераны	134
У братской могилы	136
У обелиска	138
В день Победы	140
Кто мы?	141
Все то же	142
Солдатки	143
Хулители	144
Безымянные	145
Павшим защитникам Отечества	146
Гулянка	148
Хатынь	149
Костыль	150
На холме	151
Встреча	152

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Моим друзьям	154
Факел и молния	155
Землякам	156
Моя дорога	157

Открытость	158
За стеной о ставни бьется вьюга... ..	159
Тополь	160
Друзья	161
Василию Юровских	162
Безутешно душа тосковала... ..	163
Солнышко	164
Пастухи	165
Тройка – Русь	166
Хожу всю жизнь по лезвию ножа... ..	167
Не отрекаюсь	168
Ивану Ягану	170
Памяти Виктора Гилева	172

СТРОКИ ЛЮБВИ

Я на вздохе замру у плетня... ..	174
Я помню вечер – был чудесным он... ..	175
Вечернее небо о чем-то шептало... ..	176
Разбудила ночью клен зеленый... ..	176
Оберег	177
Письмо	178
Зарница	179
Быстро, весело и бойко... ..	180
Налей вина, товарищ мой хороший... ..	181
Деревенской девушке	182
Мысли	183
Ты погаси тоску во взгляде... ..	184
Греза	185
Свет	186
Блеск синих глаз, лица овал... ..	187
Ты не смотри сердитыми глазами... ..	188
Мы, отцветая, отцвели... ..	189
У озера	190
Улетела птица	191

Ссора	192
День раскинул объятья лучей... ..	191
В саду	193
Сквозь узор заснеженного сада... ..	194
Надежда	195
Женщине	196
В беседке	197
Дождиком весенняя сумятица... ..	198
Девчонки	199
В переулке	200
Прошное	201
У брода	202
Ах, ночи	203
Расставание	204
Я не спрошу ни у кого... ..	205
Посох	206
Касается рук моих солнце... ..	207
Люба	208
Я не ищу того, что не найти... ..	209
Одиночество	210
Волна ударила скалу... ..	211
Гармонь	212
Шутка	213
Моя царевна	214
Не сотвори себе кумира... ..	214
Домик	215
Не жалея	216

РОДНАЯ ПРИРОДА

За околицей	218
Поклон	219
Утро	220
Уполз прохладный сумрак в травы... ..	220
Лето	221

Крещенская ночь	221
Кроншнеп	222
Мгла	223
Лодка	224
Журавли	225
Береза и тополь	226
Весна	227
Всё ждет меня березка за оградой... ..	228
Доносит с ветром тьма ночная... ..	229
Степь	230
Солнце поутру из-за холма... ..	231
Бродяга	232
Я вернусь	233
На холодном и ясном рассвете... ..	234
Я люблю зауральские рощи... ..	234
В полях	235
Ночные певцы	236
Из домашней, из душевной неволи... ..	237
Улегся ветер, смолкли птицы... ..	238
Клены	239
Соловей	240
Красота	241
Буря	242
Клад	243
Зов	244
Февраль	245
На току	246
Зарницы	248
Первый луч	249
Степь	250
Ненастье	251
На вырубке	252
Мороз	253
Счастлиное лето	254

Прощание	255
Чирикают ранние пташки... ..	255
Рыжая осень	256
Пришла зима	257
Летняя гроза	258
Грибы	259
Дождь	260
Безмолвие	261
Полуночный звон	262
Ночная песня	263
Октябрь	264
Надень-ка теплое пальто... ..	264
Новый день	265
Утро	266
На рассвете	266
Пел о свободе, о полете... ..	267
Простор	267
Листопад	268
Предчувствие	269
В нимб утром солнце золотое... ..	270
Горит заря: в ее полукольце... ..	270

МЫСЛИ В ЧЕТВЕРОСТИШИЯХ

Мысли в четверостишиях	272
------------------------------	-----

Николай Аксенов

ИСПОВЕДЬ ПЕРА

сборник стихов разных лет

Составитель сборника

Геннадий Устюжанин

Дизайн обложки **С.М. Кучина**

Текст напечатан в авторской редакции с сохранением орфографии и пунктуации.

Подписано в печать 11.09.08. Формат 70x90/32.

Бумага ВХИ. Гарнитура Ариал. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,0. Заказ 671. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГУП "Куртамышская типография".

641430, Курганская область, г. Куртамыш,

ул. XXII партсъезда, 7.

Тел./факс (35249) 2-15-59.

